

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 16—17

1952

С. УСТЮНГЕЛЬ

В ТЮРЬМЕ
И НА «ВОЛЕ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16—17

С. УСТЮНГЕЛЬ

В ТЮРЬМЕ И НА «ВОЛЕ»

ЗАПИСКИ ТУРЕЦКОГО КОММУНИСТА

Перевел с турецкого Р. ФИШ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1952

ОГЛАВЛЕНИЕ

Назым Хикмет. Предисловие.	3
В море	5
По этим улицам несли Сандычки	6
Тюремщики	7
«Вечный камень»	9
Тюремный двор	11
Борьба за воздух	12
Корзинка с фруктами	14
Народ предъявит свой счет	15
Большевик	17
Это не свидание, а разлука!	19
Не под рваными парусами выходим мы в море!	21
«Харашо... Тавариш... Барба...»	22
Ташчи Хасан завещал это своим сыновьям	24
«Чете»	26
Депутат меджлиса	27
Поем песни	28
Удав и гиена	29
Англичанин Зия	32
Мать	33
Наше единственное оружие	34
7 ноября	35
Верность долгу	38
Орел, закованный в цепи	39
Рассказы заключенных	41
«Белый поезд»	42
Громкоговоритель	43
Бумажный Змей	43
Комсомольцы	44
Тюрьмы не сломят воли к борьбе	44
Идти во главе!	48
Пуговка на сердце	49
Хлеб, врач и золотая лира	50
По камням двора течет кровь	53
Здравствуй, Стамбул!	55
Рассказ Дербедера Хасана	56
Золотой Рог — колыбель рабочего движения Турции	57
«Морской клуб»	59
Возвращаясь с работы	61
Первое испытание	63
День рождения	64
Выбирай, что хочешь!..	65
За ними стоит Америка...	67
Записки Бельгетоплара	68
«Сорок разбойников»	69
Вчера и сегодня	70
Народ сражается	72
Улица Независимости	74
За что мы боремся	76

ПРЕДИСЛОВИЕ

28 ноября 1951 года турецкий меджлис принял новый закон, по которому будут вешать коммунистов, сторонников мира, патриотов, борцов против американского империализма, рабочих, не желающих разгружать американское оружие, крестьян, которые выступают против «плака Маршалла», сгоняющего их с земли. Но намыленная петля, раскачивающаяся над головой турецкого народа, не заставит его отказаться от национально-освободительной борьбы.

Сразу же после издания этого закона Коммунистическая партия Турции призвала народ объединиться в едином фронте против американского империализма, и этот ее клич пролетел над всей страной — от Стамбули до горных деревень. Организации сторонников мира и патриотической молодежи попрежнему распространяют нелегальные воззвания. Снова бастуют рабочие, снова во многих районах страны крестьяне делят земли помещиков, сражаются с жандармами.

Фашистский террор никогда не мог запугать турецкий народ. Не запугает и теперь! Свидетельством тому служит книга С. Устюнгеля. Нет такой партии, история которой была бы так же тесно связана с историей народной борьбы, как история коммунистической партии. Вот почему книга Устюнгеля, рассказывающая об основных этапах истории Коммунистической партии Турции, рассказывает тем самым о борьбе всего турецкого народа за последние 30 лет. В авангарде этой борьбы идет рабочий класс.

Помимо объективной, научной ценности произведение Устюнгеля имеет огромное значение для нашей художественной литературы. В этой книге народ Турции, ее коммунисты, рабочие, крестьяне-бедняки дышат и борются, думают и ненавидят, страдают и любят, точь-в-точь как в жизни. Ни один человек в этой книге не выдуман, все они действительно жили или продолжают жить.

Турецкий народ с глубокой признательностью встретит известие о том, что книга, которую в Турции можно встретить лишь в подпольном издании, ныне переведена в Москве и напечатана в десятках тысяч экземпляров.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

...Тюрьмы, застенки, кровь и огонь
не остановят борьбы народа за национальное освобождение, за демократию...
Пусть те, кто сегодня несет народу
Турции слезы и страдания, не забывают
позорного конца кровавых султанов.

Мустафа Субхи
10 сентября 1920 года.

В МОРЕ

Море синее-синее, солнце огненно-красное. Море пламенеет на солнце, полахает огнем. Пламенеет палуба парохода, пламенеют наши руки, закованные в кандалы. Ветер развеивает золотисто-рыжие волосы моего товарища, и они то и дело спадают ему на голубые глаза. Горят на солнце штыки жандармов. Под их конвоем мы проходим по палубе. Нас везут из одной тюрьмы в другую.

Из люков машинного отделения вырывается поток удушливого, раскаленного воздуха. Глухо шумят внизу машины. Заглядываем в люк. Бледные, потные лица машинистов, со следами масляных пятен, кажутся мутным отражением в потускневшем зеркале. Один из смазчиков оторвался от дела и засмотрелся на нас. Еще мгновение — и его рука попадет в эксцентрический вал, но он успевает ее отдернуть. Только масленку его вырвало из руки,хватило, унесло. Какие большие глаза у этого рабочего, какие резкие, заострившиеся черты лица! Крупные маслянистые капли пота на его лице кажутся вспухшим клеймом, нанесенным ударом молотка.

В котельной, на самом днище парохода, в красноватом свете пламени шуруют обнаженные до пояса кочегары. Адский жар. А море искрится, играет бликами, Солнце обжигает палубу. Пассажиры распластались на ней, как овечьи шкуры, растянутые для просушки.

Из салона первого класса доносятся сумбурные звуки фокстрота. Шипение пластинки сливается с шумом вентиляторов.

Нас ведут в трюм. Он до краев набит овцами. Тут же, как овцы, жмутся друг к другу крестьяне. Двое из них, лежа на спине, напевают эгинскую песню. Печальная мелодия то ширится, то теряется в блянии овец.

Терпкий запах давно не чищенной овчарни бьет в нос. Железные наручники жгут нам кисти...

Нас выводят на палубу. Третий помощник капитана стоит на носу. Механик у кабестана. Готовятся бросать якорь...

Берег моря. Апельсиновые сады... Извивающаяся среди гор река Аскероз. На склонах — кукурузные поля величиной с ладонь. Впереди, на мысу, прямо по курсу корабля уже хорошо видна белая башня маяка «Девичья башня», древние крепостные валы. Город раскинулся полумесяцем. Строения ступенями громоздятся друг над другом по склонам гор.

Корабль входит в порт. Якорь с грохотом падает в море. Мы спускаемся по мосткам.

ПО ЭТИМ УЛИЦАМ НЕСЛИ САНДЫКЧИ

На пристани жандармы окружают нас кольцом штыков. Команда — идти. Идем по разбитым камням мостовой, мимо лавчонок с узкими ставнями и нависшими крышами. Рынок ремесленников. Кузнецы, котельщики, ткачи, шорники приветствуют нас. Идущий впереди нас сержант жандармерии раскалывает толпу надвое. Люди тянутся за нами хвостом. Подкованные сапоги жандармов цокают по камням.

— Кто такие? — слышатся голоса.

— Политические...

— Коммунисты, что ли?

— Они самые. Поймали недавно. Разве не слышали, что их везут сюда?

Слова ударяются о стены домов, эхом разносятся по городу. Пока я иду по этим улицам под конвоем жандармов, перед моими глазами снова оживает кровавая сцена, свидетелем которой я был в детстве.

Было мне тогда, наверное, лет шесть, но я все хорошо помню... Дождь лил, как из ведра. Народ, так же воет, как сейчас, высыпал на эти улицы. Султанские жандармы в фесках прикладами расталкивали толпу, прокладывая себе путь. На одном из штыков покачивалась человеческая голова. Позади

несли привязанное к длинному шесту обезглавленное тело. Это были останки народного героя крестьянина Сандыкчи Шюкрю. В течение долгих лет держал он в страхе окрестных помещиков и городских богачей. При виде этого страшного шествия люди останавливались и плакали, а некоторые разражались проклятиями.

Наша семья была родом из другого города. Я жил здесь у родственников. Вскоре после расправы над Сандыкчи меня взял к себе в Стамбул дядя. Это был хороший, добрый человек. Часто по вечерам садился он на скамейку у окна и, глядя на стены стамбульской крепости, на Мраморное море, на далекие вершины гор, пел дестан¹ о Сандыкчи. Сандыкчи был подлинным героем. В последнем бою он с кучкой крестьянских парней сражался против целого полка солдат. На всю жизнь сохранилось во мне глубокое уважение к этому простому крестьянину, который взялся за оружие, чтобы бороться против насилия и гнета.

ТЮРЕМЩИКИ

Мы снова выходим к берегу моря. Высокая, поросшая мхом массивная стена окружает каменное здание. Вверху по ней протянута колючая проволока, на углах стоят часовые. Вмурованные в стену маленькие железные ворота выходят на небольшую площадь. Над воротами огромная надпись: «Главная городская тюрьма». Седоусый надзиратель с палкой в руке отворяет маленькую квадратную дверцу. Через нее, словно через горлышко бидона, нас проталкивают внутрь тюрьмы. Мы проваливаемся в полумрак, ощупью идем по коридору, похожему на катакомбы. Надзиратель останавливает нас у одной из дверей. На ней табличка: «Дирекция». Надзиратель оглаживает **у**сы, проводит рукой по пуговицам мундира, откашливается и, постучав, толкает дверь.

Перед нами комната с низким потолком. Все в ней как будто плавает в дыму. Курят разом несколько человек. За одним из столов, заваленным бумагами, остроносый, с крысиным лицом человечек перелистывает дела. На другом столе, напротив, стоит кальян, слышится его глухое урчание. Темнолицый толстяк с отвисшим животом держит в руках толстую кожаную трубку кальяна. Из рта и из носа у него валит дым.

---

¹ Народный сказ, былина. (Прим. перев.)

По сторонам в креслах развалились два жандармских офицера. Один из них похлопывает себя стеком по голенищу. Мутными глазками осматривает нас с ног до головы. Говорит он так, словно жует смолу. С явным намерением поиздеваться ехидно спрашивает:

— Коммунисты?

— Да, — отвечаю спокойно.

Физиономия офицера краснеет, как от пощечины.

— Ого, какие храбрецы! Им, видно, все нипочем... Только коммунизм ваш в кемалистской Турции не пройдет, с этим товаром сюда лучше не соваться!

— Коммунизм не картошка, на базаре не продается...

Мой ответ подбрасывает офицера с кресла:

— Эта шутка вам дорого обойдется. Надзиратель, отведи-ка их в предварилку! Наручников не снимай, пусть научатся как следует разговаривать!

Грохнув дверью, офицер выходит.

—хлопот с ними у тебя, господин начальник, будет много,— говорит второй офицер, обращаясь к толстяку, курящему кальян.— Не знаю, понимают ли они, что такое кнут и что такое пряник? Надзиратель, сними-ка с них наручники!

Здоровенный детина чуть не выворачивает нам кисти, но наручников не снимает.

— Тебе сказали, снимай наручники! Чего руки ломаешь?! — строго говорит мой товарищ.

Толстяк, которого называют начальником, паясничает:

— Господин старший надзиратель! Будьте повнимательней.

Тут только я замечаю, как странно одет этот «начальник». Котелок, засаленный смокинг, рубашка в горошек без галстука заправлена не то в шаровары, не то в брюки, на ногах узкие галоши с загнутым кверху носком.

Котелок вместо фески, смокинг вместо халата да нечто среднее между старыми восточными шароварами и европейскими брюками — вот и вся перемена, которая произошла за годы республики в облике начальника тюрьмы, служащего здесь со времен султана Абдул-Хамида. Так выглядит в нашей «республике» одна из «великих» реформ, которыми хвастаются кемалисты.

— Я сам когда-то в этой тюрьме сидел... За тридцать лет посидел на этом деле. Кого только не видел, каких только буйных в чувство не приводил!.. Надзиратель, вежи-ка этих в карантин. Обыщи как следует. Бумаги, карандашей чтоб не было!

«ВЕЧНЫЙ КАМЕНЬ»

Проходим через одни железные двери, через другие. За второй дверью маленький узкий дворик. Разношерстная толпа встречает нас гулом голосов, окружает плотным кольцом. Надзиратель кричит:

— Прочь!.. С дороги!

Никто не обращает на него внимания.

Высокий арестант загораживает надзирателю дорогу. «Стой», — говорит его тяжелый взгляд.

— По обычаю, каждый переступивший порог этой ямы должен в честь святого — покровителя острожников — посидеть на «вечном камне». — И указывает на серый камень в углу двора.

Перекрывая шум голосов, кто-то кричит:

— Большевик! Большевик! Где ты? Привели твоих!

Перед нами появляется юноша лет 18—19. Он пожимает нам руки.

— Желаю поскорей выбраться отсюда! — произносит он вместо приветствия.

— Спасибо, земляк!

Кругом только и слышится:

— Покорее выбраться... Пошли аллах здоровья!

— Молодые еще...

— Откуда родом? Кто они, турки?

— За что их взяли?

— Тьфу! Да не слыхал ты, что ли?! Они землю крестьянам хотели дать.

— Какую землю? Кому дают? Постойте, дайте и мне посмотреть.

— Да погодите вы!.. Они устали...

— Большевик, посади-ка своих на «вечный камень»! Иди сюда, земляк!

— Эй, тащите кофе!

Мы усаживаемся на «вечный камень».

Затянутый в талии крестьянский парень в национальной одежде лазов¹ протягивает нам свою табакерку:

— Попробуйте моего табачку, земляки.

И со всех сторон к нам тянутся табакерки, кисеты, портсигары:

— Моего заверните... Моего закурите.

---

¹ Грузинская народность, живущая на северо-востоке Турции. (Прим. перев.)

Все глаза устремлены на нас. Какие глубокие это глаза! Но взгляд у них невидящий. Все говорят здесь невпопад. Некоторые совсем как немые. Немыми ведь бывают от глухоты, но эти люди слышат всё. Почти все в тюрьме становятся такими. Быстро узнают, что делается на воле, но истолковывают все, как им хочется. О нас они тоже слышали задолго до того, как нас привезли сюда. Они внимательно осматривают нашу одежду на груди и у пояса. Очевидно, ищут следы от патронташа. Ищут и не находят. Вовсе не похоже, чтоб мы носили оружие. Но в их воображении живет совсем иное представление о нас. Их взоры как бы говорят нам: разве может быть, чтобы человек, который поднялся против Анкары, против правительства, не носил оружия? Один из арестантов долго с восхищением смотрит на моего высоченного товарища, на его широкие плечи и говорит:

— Этот парень уложил не меньше сорока.

Пожилой седобородый крестьянин подходит к моему товарищу, берет его за руку:

— Сынок, я ведь тоже из-за земли попал сюда. Послушай, как было дело...

— Брось, Кыро! Дай им кофе выпить. Все-то ты болтаешь, душу отводишь...

Несожиданно толпа вокруг нас расступается, появляется старший надзиратель:

— Поднимайтесь на второй этаж. Живо! Там ваша камера. Мы вас посадим в карантин...

Не успевает надзиратель договорить, как начинается что-то непонятное.

— Хав... хав... авв... авв... — несется со всех сторон. Тюремный двор тонет в собачьем лае. Затем слышится сдавленный смех, улюлюканье.

Физиономия старшего надзирателя становится похожей на обваренное кипятком свиное рыло. Из гнилого рта брызжет слюна.

— Коммунисты, марш в камеру! А вам я покажу, как лаять! Вызову жандармов, тогда поговорим!

Он вталкивает нас в камеру, задвигает железные засовы. Снова поднимается собачий лай. Потом все утихает.

Не проходит и получаса, как у зарешеченного окошка нашей камеры показывается юноша, которого заключенные называют Большевиком. В руках у него жестяная кружка и медная тарелка с едой.

— Не обессудьте, земляки... Чем богаты...

— Мы сыты, паренек. Не беспокойся!

Но Большевик не слушает нас и просовывает еду через решетку.

— Скажи, что это был за лай?

— Ничего особенного. Так всегда встречают старшего. Мы его псом прозвали. Если этот пес будет шерить на вас зубы, не обращайтесь внимания, не укусит... Курить у вас есть что? Может, вам еще чего надо?

Во дворе снова показывается старший надзиратель. Его длинная физиономия с ввалившимися щеками действительно очень похожа на песью морду. Ходит он тоже, как состарившийся цепной пес.

ТЮРЕМНЫЙ ДВОР

В тюрьме два этажа. Ночью из окошек камер на первом этаже можно увидеть звезды на небе. С верхнего этажа перед глазами расстилается только безбрежное, свободное море. От этого бескрайнего простора нас отделяет лишь высокая стена, опоясанная колючей проволокой. Между стеной и зданием тюрьмы небольшое мощеное пространство шириной в 7 и длиной в 40 метров. Это тюремный двор — место для прогулок заключенных.

Сколько дней мы смотрим на этот дворик через решетку узкого окошка нашей камеры? По утрам, как только открывают двери общих камер, арестанты, как овцы, выпущенные из загона, высыпает сюда. Они ходят из угла в угол, взад и вперед, навстречу друг другу. Стук кованых ботинок доносится то справа, то слева. Из угла в угол мечутся звуки. Можно разобрать обрывки фраз:

— ...какой тут, уплатить! Погубили нас налоги...

— ...а у тебя есть что отдать-то им?..

— ...сборщик налогов...

— ...его Азраилом — ангелом смерти — зовут...

— ...он стрелял в сторожа...

— ...разве я знаю, куда пуля гаду угодит?..

— ...он наше поле силой отобрал. Свидетели его. Денег много, у него сила...

— ...он господин, а ты бедняк...

— ...до корня не добрался я... Вот если выйду...

— ...разве эти годы когда-нибудь кончатся...

Голоса сливаются в сплошной гул, шаги расходятся в разные стороны. Потом снова звучат ясные, короткие фразы:

— Ни быков нет, ни земли. Развалилось хозяйство.

— Он и ага и ростовщик. За один куруш¹ пять берет.

— И староста, и жандармы, и судья — все у них в руках!..

Среди заключенных много лазов. Они держатся прямо, ходят с высоко поднятой головой, говорят быстро. Что они говорят, мы не понимаем. Лазы не спускают глаз с нашего окошка. Каждое утро, едва успев ступить на дворик, они приветствуют нас:

— Коммунист!.. Большевик! Яшá²!

Угнетенные национальности питают к нам, коммунистам, особую симпатию. Мне пришлось несколько лет сидеть в крепости вместе с курдами. Несмотря на строгий режим, они находили способ связаться с нами. Если бы не они, мы наверняка погибли бы тогда от жажды и голода: ведь в турецких тюрьмах коммунистам обычно не дают полагающегося всем заключенным пайка. Если нет у тебя никого на воле, твое дело — дрянь.

БОРЬБА ЗА ВОЗДУХ

Дни проходят, а «карантину» нет конца. Видно, нас боятся, даже когда мы в тюрьме. Враг стремится вырвать нас из общественной жизни, но мы поклялись до последнего дыхания быть вместе с народом, бороться вместе с ним.

Наша камера — крошечная коробка. Клетка льва в зоопарке куда просторней. Мой товарищ ходит из угла в угол, что-то говорит про себя, выцарапывает ногтем на стене:

Знаком нам карцер не один,
Нам кандалы подушкой стали,
Нас не сломить такой судьбой!
Мы пойдем,

пойдем еще в бой!

Утро встречаем песней.

Открываются двери камер. Лучи солнца начинают припекать угол дворика. В этом углу, на теплых камнях, сидя на корточках, греются босые арестанты. Почесываются, копошатся в лохмотьях, казнят насекомых.

— Горячая баня! Горячая, горячая! Один куруш бидон! — пронзительно кричит арестант — «содержатель» бани. — Кто видел сладкие, приятные сны, айда-а-а в баню!

«...баню! баню!» — гулко отзываются каменные стены.

Один из углов двора завешан куском мешковины. Уплатив-

---

¹ Мелкая турецкая монета. (Прим. перев.)

² Да здравствует! (Прим. перев.)

ший один куруш может попасть за эту ширму — в «баню». Вот и сейчас против нашего оконца молодой парень льет себе на голову воду.

Солнце поднимается все выше. Шум на дворе становится все громче. В него включаются новые и новые звуки. Вот всплетаются резкие выкрики:

— Всегда свежее... свежее... свежее!

— В Черном море такой пены нет! Кто хочет пенистого?

— Чаевар не из Дамаска, а вода не из фонтана. Двойной крепости, настоящий персидский чай!

Это начинает действовать тюремный «базар».

На дворике сложены три очага для варки кофе. Торгуют кофе арестанты — те, что при деньгах, конечно. Они изо всех сил стараются перекричать друг друга. Жестокая конкуренция между ними нередко кончается поножовщиной.

Солнечный луч скользнул через узкую железную решетку в угол нашей сырой клетки. Мы тоже греемся. В камере железная койка, голые доски и зловонная параша. Чтобы спастись от вони и подышать свежим воздухом, надо бороться. Без борьбы для нас, видно, не будет ни воздуха, ни солнца. Стучим ногами в дверь, кричим через решетку:

— Надзиратель, открывай дверь! Хотим на прогулку!

Голоса на дворе сразу стихают. Ввалившиеся глаза заключенных устремляются на наше оконце. Потом снова поднимается шум.

— Не вмешивайтесь! — кричат одни.

Другие возражают им:

— Но это ведь неправильно!

Остальные возмущаются несправедливостью и кричат вместе с нами. Поднятый нами шум продолжается с полчаса.

На дворе появляются надзиратели, жандармы и сам начальник тюрьмы. Арестантов расталкивают по камерам. Шум прекращается. Слышны только наши голоса:

— Мы имеем право на прогулку!

Дверь камеры распадается. На пороге стоит худой, чернявый сержант жандармерии. Он шипит, как змея:

— Вы что орете? Я вам сейчас покажу прогулку! Надеть на них наручники!

Жандармы и надзиратели набрасываются на нас. Завязывается схватка. Кровь с разбитого лба заливает брови, голубые глаза моего товарища. Но и сержант, получив пинок ногой, никак не может подняться с пола. Начальник тюрьмы, зеленея от злости, рычит:

— Бросить их в подвал! Посадить в карцер! Пусть знают, как нарушать порядок в тюрьме!

Три дня в кандалах, две ночи в темном карцере, где нас изводили блохи, и 48 часов голодовки протеста еще больше закаляли нашу ненависть.

Голодовка действовала: в тюрьму прибыл помощник прокурора. Нас вытащили из подвала, сняли кандалы.

— Вам разрешается прогулка на террасе второго этажа. Два часа в день, — с ехидной улыбкой объявляет помощник прокурора и удаляется вместе с начальником тюрьмы.

Так закончилась наша первая схватка в этой тюрьме.

В полдень старший надзиратель выводит нас на террасу. Терраса раскалена: целый день она открыта палящим лучам солнца. Видно, нас хотят просто зажарить. Никого, кроме нас, сюда не пускают. Пот грязными ручьями катится по обросшему бородой лицу. Но зато мы дышим свежим воздухом...

КОРЗИНКА С ФРУКТАМИ

Уже много дней непрерывно льет дождь. Если хочется бесплатно принять душ, можно посидеть на террасе часок — другой: теперь это нам разрешено.

Распахнув вдруг дверь камеры, надзиратель объявляет:

— Приготовьтесь, поедете в суд!

Вот уже несколько месяцев тянется суд над нами. Сначала заседания происходили в одном из крупных городов. Несмотря на все усилия полиции и прокуратуры, суд не смог доказать, что мы являемся авторами листовок, нелегально распространявшихся в этой местности организациями коммунистической партии. Но выпустить нас, конечно, не выпустили. Ведь мы еще до ареста были осуждены заочно. Полиция и прокуратура уже несколько лет охотились за нами. Здепшний прокурор требует теперь для нас смертной казни. Короче говоря, у нас с судебным ведомством дел еще много.

Окруженные жандармами, входим во «Дворец правосудия». Коридоры полны народа. Большинство — крестьяне. Кто в пальто, кто босиком. Весь их вид говорит о беспросветной нищете. Жандармский офицер грубо покрикивает на толпу:

— Осади назад!

Входим в большой зал. Толпа следует за нами.

Начинается заседание. Мы стоим перед столом судейской коллегии. По бокам — часовые с примкнутыми штыками, за спиной — народ! Один из судей ковыряет в носу. Другой наце-

пил черные очки; дремлет он или бодрствует — не поймешь. Председательствует жирный судья с апopleксическим затылком. Серые прищуренные глаза прокурора все время следят за нами.

Согласно процедуре, сначала «устанавливают» наши личности.

— Имя, фамилия, родители? — спрашивает председатель.

Затем поднимается прокурор. Непрестанно оглядываясь на публику, он говорит, скорчив недовольную мину:

— Ввиду того, что разбираемое дело имеет отношение к внутренней и внешней политике правительства... в интересах сохранения спокойствия и порядка... требую, чтобы дело рассматривалось в закрытом заседании.

Мы с товарищем одновременно вскакиваем со скамьи. Говорим разом:

— Прокурор хочет скрыть от народа правду... Пусть народ знает, чего мы хотим и что мы сделали. Мы в любой момент готовы отчитаться перед народом. Очевидно, прокурор боится правды. Мы заявляем, что если наше дело будет рассматриваться за закрытой дверью, то в ответ на этот произвол мы откажемся отвечать на вопросы суда!.. Мы требуем, чтобы наше заявление было занесено в протокол!

Из публики раздаются голоса:

— Господин председатель! Мы тоже хотим послушать!

— В чем их вина?

— Это несправедливо!

Председатель что-то шепчет на ухо сначала одному члену суда, потом другому. Оба утвердительно кивают головами.

— Рассмотрение дела переносится, — объявляет он.

Нас выводят из здания суда. Толпа идет за нами до ворот тюрьмы. Старый крестьянин протягивает нам корзиночку с фруктами. Жандармский офицер бросает на него свирепый взгляд. До сих пор еще помню я вкус свежих фруктов, которыми тогда от чистого сердца угостил нас простой, незнакомый нам турецкий крестьянин.

НАРОД ПРЕДЪЯВИТ СВОЙ СЧЕТ

Полночь. На стене мигает тусклый светильник. Тюрьма затихла. Заключенные спят. Мы охотимся на клопов.

Но вот до нашего слуха доносятся нечеловеческие крики. Это «снимают показания» в подвале жандармского участка, находящегося рядом с тюрьмой. Постепенно крик переходит

в стон, становится все глуше и глуше. Слышатся удары палок и ругательства. Перед рассветом все стихает. Звучат только резкие свистки. Это часовые охраны перекликаются между собой.

Крики истязуемых и отборную ругань жандармов мы слышим постоянно. Почти все, кто попадает в тюрьму из полицейских или жандармских участков, покрыты ранами и кровоподтеками.

Зверская политика насилия над народом продолжается в Турции уже сотни лет. Кемалисты, придя к власти, перещеголяли в этом даже кровавых султанов. Они выступают как самые оголтелые шовинисты, подвергают национальные меньшинства насильственной туркизации. Кемалисты выселяют из родных мест лазов, организуют массовые убийства курдов, вырезают армян. Уже уничтожено много сотен тысяч курдов. Тысячи курдских деревень сожжены и разрушены. Чтобы скрыть следы своих преступлений, анкарские правители объявили запретными районы, где были расположены эти деревни.

Разделив страну на семь «генеральных инспекций» — «гау», — они назначили гаулейтером Курдистана Ибрагима Талига. Долгое время он был там полным хозяином. Его карательные отряды рыскали по всему краю. Я в числе других коммунистов был заключен тогда в одну из крепостей, входивших во владения Талига. Ежедневно оттуда партиями увозили арестованных курдов и расстреливали на обрывистом берегу Тигра. Потом жандармы торговали в тюрьме шелковыми расшитыми поясами расстрелянных курдских юношей.

Помню, однажды в соседнюю камеру принесли молодого курда. Ему было лет двадцать. Рассказывали, что в боях с карательными отрядами он убил нескольких офицеров. Жандармы пытали его много дней, жгли раскаленными шомполами, но не добились от него ни слова. Тело юноши было сплошной раной, оно гноилось, по нему ползали черви. Несколько дней, крепко стиснув зубы, молодой курд боролся со смертью. Он беспрерывно повторял лишь одно слово:

— Месть... Месть... Месть!

Пытки, которым подвергают коммунистов в застенках охранки, в жандармских участках и тюрьмах, приводят в содрогание даже видавших виды людей. Турецкая полиция сочетает зверства янычар с изощренными истязаниями гестаповцев. Людей на долгие месяцы сажают в темные, сырые подвалы, пытаются жаждой и бессонницей, бьют палками по

пяткам, вырывают щипцами куски мяса, гасят в ранах сигареты, кладут подмышки горячие яйца, подвешивают за волосы к потолку, выламывают суставы, вырывают ногти, распинают на крестах, подвешивают за руки в камерах-гробах и ставят перед глазами 500-свечовую лампу, в зимние морозы обливают холодной водой. Иногда эти пытки продолжаются месяцами. Об убитых и замученных во время пыток коммунистах полиция сообщает:

- Убит при попытке к бегству.
- Выбросился из окна.
- Покончил с собой.
- Сошел с ума.

Так именно полиция пыталась скрыть убийство замученного в стамбульской охранке члена Центрального комитета Коммунистической партии Турции Аббаса, комсомольца Хасана, студента Басры, задушенного в аданской тюрьме учителя Хайдара, измирского моряка Юсуфа, зонгулдакского шахтера Зия и скольких, скольких еще!

Анкарские палачи могут врать сколько угодно, но турецкий народ знает, кто утопил в Черном море основателя Коммунистической партии Турции Мустафу Субхи. Он знает, кто повесил крестьянина-коммуниста Месуда, кто убил рабочего Аббаса. Пробеет час исторического возмездия, и народ предъявит свой счет палачам!

БОЛЬШЕВИК

Через несколько дней после судебного заседания, во время утреннего обхода в нашей камере вдруг появляются начальник тюрьмы и старший жандармский офицер. Они объявляют, что мы можем выходить на прогулку во двор вместе с другими арестантами, велют открыть дверь камеры и, не глядя на нас, выходят. Мы решаем, что это неспроста, тут какая-то ловушка. Нас, коммунистов, всегда содержат в строгой изоляции от других арестантов. Не удивительно поэтому, что у нас появляется настороженность.

Позже мы узнали, какую западню нам готовила охранка: она хотела прикончить нас руками уголовников.

...Дует легкий морской ветерок. Лодки лазов под открытыми парусами выходят в море. Временами нам кажется, что мы только встали на якорь в этой тюрьме. Мы дышим свежим воздухом. Я лежу на террасе, свесив ноги. Мой товарищ растянулся рядом со мной. Из камеры, продирая глаза, выходит

Большевик. Расчесывая пятерней черные волосы, он не спеша подходит к нам.

— Ну что, Большевик, трешь глаза?

— Разве поспишь тут, когда эти кофейщики орут, как ишаки! Чай пили?

— Садись. Сегодня вместе чай пьем, Большевик?

— Ладно.

— Однако тебе умыться не мешало бы!

— Потом умоюсь. Только посижу немножко. К вам ведь все время никого не подпускали — карантин!

Он садится между нами и тоже свешивает ноги с террасы. Берет протянутую моим товарищем сигарету и глубоко затягивается.

— Почему тебя Большевиком прозвали?

— Здесь сидел один. Он своего соседа за вершок земли на меже задушил. Я его звал Душителем бедняка, а он меня Большевиком прозвал.

— За что же ты сидишь? Сколько тебе дали?

— За убийство. Присужден к смертной казни, но по молодости помилован.

— Кого же ты убил?

— Одного проклятого агу с нашего берега. Лодки, виноградники, апельсиновые рощи — все в округе принадлежит ему.

— Ого! За что ж убил?

— Долгая история. Убил, и чорт с ним! Погодите, я сейчас чай принесу.

Большевик вскакивает и, спускаясь по лестнице, кричит:

— Карачалы! Три чашки чаю!

На мощеном камнем дворике шуршат шаги: туда — обратно, туда — обратно. Глухо раздаются голоса в этом каменном колодце.

Мы пьем чай и беседуем с Большевиком.

— У тебя есть кто-нибудь на воле, Большевик?

— Брат, старший.

— Чем занимается?

— Кочегар. На пароходах работает.

— А ты что делал?

— Рыбак я. За долю улова работал.

— Давно сидишь?

— Уже два с половиной года.

— За что же ты все-таки убил своего агу?

— Поспорили из-за моей доли. Не отдал мне, что причиталось. Он и отца моего погубил... Смотрите! Видите окошко,

камера рядом с вашей? Тот вон, к решетке прислонился, на нас уставился... При нем держите язык за зубами. Это стукач начальника тюрьмы. Сейчас же донесет.

— Что у нас с ним может быть? Мы и «здрасьте» друг другу не говорили.

— Вы его не знаете. На днях он с Карачалы все шептался о вас. Я ведь сегодня нарочно чай у Карачалы заказал. Еще узнаете нашу кутузку! Пойдемте пройдемся немного.

Большевик встает и, насвистывая, спускается во двор. Свист тонет в общем шуме. Человек, которого он нам показал, щуря гноящиеся глаза, смотрит через решетку во двор.

Заключенные, как маятники, ходят взад и вперед, взад и вперед: Солнце все сильнее накаляет камни. Дежурный надзиратель, распахнув дверь во двор, кричит во всю глотку с порога:

— Айда на су-у-у-д! Кому на суд, собирайтесь! За умыкание — Чамлы Хюсейн. За кражу курицы — Пич Нури. Братья Джаноглу — по делу о земле. За убийство — Куру Али, Орманкыран Мустафа. За неуплату налогов — механик Хасан, ткач Келеш. За убийство стражника — кузнец Мемед. На су-у-д!

Арестанты, чьи дела сегодня рассматриваются в суде, собираются у дверей. Жандармы надевают на них наручники.

ЭТО НЕ СВИДАНИЕ, А РАЗЛУКА!

Дни проходят. Мы понемногу знакомимся с тюрьмой, заходим в соседние камеры. В тюрьме пять больших камер, несколько изоляторов и несколько маленьких клетушек. Общие камеры сильно отличаются друг от друга. В нижнем этаже, куда почти не проникают солнце и свежий воздух, расположены так называемые «камеры голых». В стамбульской тюрьме их называют «камеры папаши Адама». Вся одежда заключенных в них арестантов нередко состоит из одного старого мешка. Обитатели «камеры голых» находятся обычно в услужении у более состоятельных арестантов. Поэтому их называют еще «аякчи», что значит «находящийся на ногах». На втором этаже живет тюремная «аристократия» — заключенные, у которых есть деньги или влиятельная родня на воле. Койки в камерах также распределяются в зависимости от платежеспособности заключенных: худшие — у дверей, около параша, лучшие — у окна, поближе к свету и воздуху. В от-

дельных комнатухах сидят «беи». В изоляторах сейчас, кроме нас, находятся еще двое смертников.

Сегодня день свиданий. В этот день заключенные всегда как-то мечутся по двору. Они с нетерпением ждут его, как штурман конечной пристани, и нервы у всех напряжены.

Как только приходит посетитель, арестанта вызывают в предварилку. Здесь происходит свидание. Правда, между посетителем и заключенным железная решетка. И все же это уже кусочек другого мира.

В помещении надзирателя, прямо против открытой двери в предварилку, меня бреет парикмахер. За спиной стоит надзиратель с палкой. Через открытую дверь мне видны посетители.

У решетки сидит на корточках молодой арестант лет двадцати пяти. По другую сторону решетки — женщина, закутанная в вышитые полосатые платки. Она вся съежилась в комок. Видны только глаза и щеки.

Они крепко прижались друг к другу. Кажется, если бы не решетка, они сидели бы обнявшись. Но ржавые железные прутья разделяют два сердца.

— Эй, Ферикоглу, хватит! Твое время кончилось!

Грубый голос дежурного надзирателя отрывает два тела друг от друга — так топор раскалывает надвое сосновое полено. Женщина встает, она смотрит на парня полными слез глазами. Тот шатается, как пьяный, и, кажется, еле держится на ногах.

Бреющий меня тюремный парикмахер на воле был мотористом. Он избил в порту полицейского комиссара, когда тот пытался силой заставить работать бастовавших грузчиков, и сидит теперь за «сопротивление полиции». Его большие, как лопаты, руки кажутся грубыми, неуклюжими. Но какие ловкие у него пальцы, как легко проводят они по щекам большим лазским ножом!

Каждый раз, когда надзиратель отрывает заключенного от посетителя, парикмахер скрипит зубами, его ноздри раздуваются, как у загнанной лошади. Осколки фраз, как пули, вырываются сквозь сжатые зубы, ударами отдаются у меня в ушах.

— Изверги... ни любви, ни горя не понимают... Давильная машина. Какое это свидание? Ведь это разлука...

НЕ ПОД РВАНЫМИ ПАРУСАМИ ВЫХОДИМ МЫ В МОРЕ!

Правящие реакционные классы Турции пытаются удержать свою власть над народом с помощью штыков, тюрем, виселиц. Они подавляют, физически уничтожают каждого, кто выражает свой протест, свою волю к справедливым порядкам. Нас, коммунистов, преследуют особенно жестоко.

Мы знаем, они хотят раздавить наше мужество. Но напрасно. Они никогда не смогут поставить нас на колени, потому что за нами рабочий класс. Буржуазия приходит в бешенство, видя, что силы ее могильщика — пролетариата — растут день ото дня. Кемалисты хотят оторвать нас от народа, разорвать наши стальные связи с массами, так как видят, что в них мы черпаем нашу силу. Но коммунисты — люди особого склада, люди особой закалки. Эту закалку они приобрели в огне классовых боев во многих странах. Ее передали нам отцы и деды, десятилетиями боровшиеся против насилия и гнета.

Не под рванными парусами и не на дырявом суденышке выходим мы в море! У нас есть крепкая организация — наша коммунистическая партия. Наш верный компас — марксистско-ленинская теория. В освободительной борьбе наш путь освещает всемирный маяк — Советский Союз.

Во всех странах капитала не проходит и дня, чтобы народ не боролся за свои права, не сражался с фашистскими бандами за демократию, за свободу.

А у нас в Турции?

И у нас борьба обостряется с каждым днем. Растут ряды борцов, растет авторитет нашей партии среди народа. Источников силы у нас немало. У нашего народа есть традиции национально-освободительной борьбы против колониального порабощения, против империалистов. Вспомните 1919—1923 годы, когда великая октябрьская буря в России донесла до Турции ветер свободы и подняла наш народ на борьбу. Тогда красной от крови героев национально-освободительной войны стала река Сакарья. Тогда рабочие, забывая об отдыхе, днем и ночью готовили оружие фронту. Тогда простые крестьянки — Кезибан, Фатъма и множество других — доставляли на своих плечах снаряды в окопы. Много горя испытал тогда народ: были сожжены деревни, разрушены города, мертвые младенцы валялись среди развалин. Американские и английские разбойники разговаривали с нашим народом языком трехсотпятидесятимиллиметровых пушек своих линкоров. Они грозились проглотить всю Анатолию. Они натравили на ту-

рецкий народ наемные армии греческого короля Константина, монархические банды Анзавора, «армию Халифа». Наши отцы и братья бесстрашно сражались с этой семиголовой гидрой.

Не будь Советского Союза, мы, как нация и государство, уже тогда были бы уничтожены английскими и американскими империалистами. Кемалисты всячески хотят скрыть это от народа. Но этого нельзя забывать никому. И мы никогда не забудем ни наших боевых традиций, ни друга, поддержавшего нас в черные дни, — Советский Союз...

«ХАРАШО... ТАВАРИШ... БАРБА...»

Шум волн постепенно стихает. Солнце заволакивается тучами. Приближается вечер. То там, то тут на дворике зажигаются крохотные дымные жаровни. Они напоминают затуманенные горем человеческие глаза. На жаровенках в маленьких кастрюльках арестанты варят себе суп. Из-под крышек вырываются струйки пара. Босоногий арестант-крестьянин, остановившись у одной из кастрюлек, пожирает ее взглядом. У него желтое, без кровинки лицо. Такие лица быва-ют только у долго голодающих людей. Он щурит глаза, облизывает губы, потирает руками ввалившийся живот.

Но вот начинается раздача пайка. Из «камер голых» стремглав выскакивают арестанты, толпятся вокруг хлеба. Крестьянин, с такой тоской смотревший на жаровню, уже бежит в свою камеру, грызя на ходу полученный кусок черного хлеба величиной с кулак.

Вечерняя поверка. Надзиратели разгоняют арестантов по камерам, как овец по загонам.

По соседству с нами два закованных в кандалы смертника. Вечером мы засыпаем под звон их кандалов, утром просыпаемся от их брани; в ней они изливают свою душу.

Каждый вечер надзиратели и жандармы обшаривают камеры. У нас они ищут «зловредные» бумагу и карандаши. У смертников проверяют кандалы, роются в кроватях — нет ли ножей и бритвенных лезвий. Эти двое вместе с другими арестантами, решившими бежать, однажды уже разобрали стену в камере на первом этаже, где сидели тогда, и зарезали ночью часового. Но побег им не удался: они были ранены, и их схватили. А остальные бежали, ушли в горы и организовали там «чете» — повстанческий отряд. Во главе отряда встал крестьянин по имени Нусрет. Отряд этот непрерывно сражается с жандармскими карательными частями.

Приговор по делу этих двух заключенных прошел уже через Верховный суд, но не был еще утвержден меджлисом. Их обвинили в убийстве феодала Хордолоши и приговорили к смерти, хотя суд не располагал никакими доказательствами. Удивляться не приходится: родня убитого имеет огромные связи. Его племянник Фахри Куртулуш — один из заправил так называемой народно-республиканской партии. Но и за наших смертников есть теперь тоже кому постоять. Их ушедшие в горы товарищи держат Хордолошей в постоянном страхе. Всего несколько дней назад они сожгли поместье одного из местных деревбеев (феодалов). Крестьяне всячески помогают повстанцам.

Один из смертников — плотный седой человек — смотрит волком. Зовут его Капитан Осман. Его товарищ, высокий, статный, с орлиным профилем, был на воле шорником, работал на ремесленном рынке. Его зовут Экшиоглу. У него мягкий, приятный голос, и он нередко поет по ночам.

...На Одемиш налетели,
Из кустов пули полетели.
Айда! Вперед!
От партизанских пуль враги побежали.
Эх, на горы туманы набежали!..—

выводит Экшиоглу партизанскую песню. Когда мы слушаем его пение, перед нашими глазами встают крестьянские и рабочие парни, беззаветно и мужественно сражавшиеся с захватчиками в годы национально-освободительной войны. И сам шорник Экшиоглу — один из безымянных героев этой освободительной борьбы.

Со смертниками у нас скоро завязывается большая дружба. Почти каждое утро, как только открывают двери камер, они заходят к нам, заводят разговор о тяжелой крестьянской доле, о бедах ремесленников, расспрашивают нас о международных событиях. Газет нам не дают, и ничего нового мы им рассказать не можем. Мы лишь комментируем новости, которые им удастся услышать краем уха.

Смертник Экшиоглу — веселый, общительный человек. Он все время подтрунивает над Капитаном Османом. А тот никогда не смеется, говорит отрывисто, но на своего товарища шорника смотрит с нежностью. Капитан Осман в самые тяжелые дни национально-освободительной войны привозил из советских портов оружие и боеприпасы. Рассказывая нам об этом, Капитан Осман говорит:

— Тогда русским тоже туго приходилось. Все гяуры на-

бросились на Советы. Но каждый раз, когда мы туда приезжали, русские встречали нас, как родных. Быстро грузили наше судно и отправляли домой. Верите ли, то, что они нам отдавали, было им самим тогда еще нужнее. Если б не это великодушие русских, что могли бы мы поделаться с иностранными собаками, которые набросились на нашу землю? Советы нам помогли, и мы смогли выбросить англичан и американцев из Стамбула, а греков из Анатолии. Поганцы, что сидят в Анкаре, хотят, чтобы мы забыли это. Собакой выкормлены они, а не женщиной! Скажите-ка, разве могут те, кто со своим народом не считается, жить в добре с соседями?! До сих пор у меня в ушах звучит голос русского моряка, который отправлял нас из Анапы в последний рейс.

— Харашо... Тавариш... Барба... — произносит по-русски Осман.

Этими тремя русскими словами закованный в кандалы седой Капитан высказывает чувство глубокой благодарности, которое питает весь турецкий народ к своему великому соседу — советскому народу.

ТАШЧИ ХАСАН ЗАВЕЩАЛ ЭТО СВОИМ СЫНОВЬЯМ

На окраине города расположены рудники. Они принадлежат акционерному обществу с иностранным и местным капиталом. Там добывают свинцовую руду. На эти рудники гоняют наших арестантов, осужденных на каторжные работы. Говорят, что акционерное общество «договорилось» об этом с прокуратурой. Губернатор и председатель уголовного суда тоже получают на «карманные расходы». Подкупают прокуратуру и подрядчики по строительству дорог.

По утрам жандармы отделяют тех, кого отправляют разбивать камни на дорогах, и тех, кто работает в рудниках, надевают на них наручники. Потом сковывают одной длинной цепью, выстраивают по два в ряд и уводят. Заключенные рассказывают, что работать в рудниках невероятно тяжело. Кроме кирки, лопаты, кувалды и лома, никаких орудий нет. Руду рабочие выносят наверх в заплечных корзинах. Нередко люди гибнут под обвалившейся породой, а для предотвращения несчастных случаев ничего не делается.

Положение рабочих на рудниках и шахтах Турции мало чем отличается от положения арестантов, которых заставляют работать в здешних свинцовых рудниках. Везде добыча производится ветхозаветными методами, с помощью допотопного

оборудования. Об охране труда нечего и говорить. Никакой медицинской помощи для рабочих нет. Непосильный труд, постоянное недоедание, ужасающие жилищные условия и болезни, особенно чахотка, каждый год уносят в могилу тысячи жизней. «Социальное страхование» существует только на бумаге, хотя из заработка рабочих на него удерживают 5 процентов. Семьям рабочих, погибших от несчастных случаев или ставших инвалидами, достаются лишь брань и оскорбления чиновников.

Хотя по конституции в Турции принудительный труд запрещен, фактически он всегда применялся. Во время второй мировой войны специальным законом была открыто введена принудительная трудовая повинность. Ведь анкарское правительство питало военную машину гитлеровской Германии хромом, медью, свинцом, хлопком, продовольствием! На своей торговле с Германией «Экспортные союзы», пайщиками которых состояли Иненю, Сараджоглу и Джелаль Баяр, нажили миллионы. Но война давно окончилась, а закон о принудительной трудовой повинности продолжает действовать и поныне. И теперь в Зонгулдак и прилегающие районы со всех концов страны сгоняют насильно крестьян на работы в шахтах.

Вчера одному из работающих в шахте заключенных обвалившейся породой размозжило голову. Товарищи принесли его труп. Но начальник тюрьмы приказал труп в тюрьму не принимать:

— Я не кладбищенский сторож.

И правда. Он не кладбищенский сторож, а главный палач «мертвого дома».

Жандармский офицер утверждает, что его дело — сдать заключенного живым или мертвым. А «Акционерное общество по добыче свинца» решает вообще умыть руки. После долгих препирательств вопрос передается на разрешение в высшие инстанции. Всю ночь труп заключенного лежит под дождем у ворот тюрьмы. Наконец сегодня около полудня с разрешения прокуратуры его хоронят.

Городское кладбище расположено сразу за тюрьмой. Мы смотрим на кладбище из окошка одной из «камер голых». Несколько арестантов под охраной жандармов роют могилу. Человека, которому вчера размозжило в шахте голову, тело которого всю ночь омывал дождь, предают земле без гроба и без савана. А этот человек был землепашцем и звали его Венекли Ташчи Хасан. Из-за вершка земли совершил он убийство и получил пятнадцать лет тюрьмы. Он поклялся головой

своей жены вернуть похищенную землю, если выйдет через пятнадцать лет на волю, а если нет, — он завещал добыть ее своим сыновьям. Венекли Ташчи Хасан лежит теперь под кипарисом, в могиле. За землю будут бороться его сыновья.

А это ведь не шутка, когда шесть миллионов безземельных крестьян требуют: «Земли! земли!»; когда шесть с половиной тысяч крупных помещиков и феодалов сидят на шее у тринадцати миллионов турецких крестьян и выжимают из них семь потов. Крестьянская проблема, нерешенный земельный вопрос приводят к постоянным столкновениям, причиняют неисчислимые горести миллионам людей. Эти проблемы стоят перед нами во всей своей остроте, во всей своей грандиозности. Единственная партия, которая указывает крестьянам верный путь в борьбе за землю, — это партия коммунистов. Только она и способна разрубить этот гордиев узел — помочь крестьянам получить землю.

Из деревни пришла вдова Венекли Ташчи Хасана. Она плачет, припав к кипарису у могилы мужа. Надзиратель вручает ей оставшееся «наследство», потом сует ей в руку какую-то бумажку и уходит. У ног плачущей женщины все имущество покойного: жестяная кружка, глиняная миска, рваное покрывало. В руках у нее свидетельство судебного врача, оправдывающее «Акционерное общество по добыче свинца».

«ЧЕТЕ»

Большевик привел нас в свою камеру. Мой товарищ взялся обучить его грамоте, и он не отходит от нас ни на шаг. В школе ему никогда не приходилось учиться, но схватывает он все очень быстро. Это живой,мышленный парень с упрямым характером, большой любитель поспорить. При случае может и подражаться. Арестанты любят его.

Вместе с Большевиком в камере сидит мальчик. Ему лет двенадцать. Он был связным сражающегося в горах крестьянского отряда Нусрета. Его схватили и жестоко избили жандармы. Он бежал и вскоре в городской мечети застрелил из револьвера одного из самых жестоких здешних ростовщиков, Перили. В тюрьме его прозвали Чете — Партизан. Большевик заботится о Чете, как старший брат. Чете тоже хочет учиться грамоте. Он раздобыл тетрадь, карандаш, выучил с нашей помощью алфавит. Первое слово, написанное им, было: «Чете».

ДЕПУТАТ МЕДЖЛИСА

Проходит несколько дней. Снова идет дождь. Низко стежутся тучи. Тюрьма погружается в полумрак. В такие дни арестанты не выходят из камер. Все словно вымирает. Неожиданно тишина нарушается неистовой бранью. Шум, крики.

— Сводник... Душепродавец... Развратник... Зачем к мальчикам пристаешь!

Красивый, стройный юноша вместе с Большевиком вытаскивают на террасу ростовщика Калафатчи. Они пинают его ногами, тычут кулаками под бок.

Из всех камер выскакивают заключенные. Сутолока. Ругань стоит двенадцатизатаяная. Седобородый высокий арестант кричит:

— Не убивайте его, не пачкайте рук! Лучше опозорьте его!

Коричневая, бесстыжая рожа Калафатчи становится белой, как саван. Заключенные снимают с него штаны и вешают ему на шею. Днищем кастрюли мажут физиономию, вытаскивают во двор. Все плюют ему в лицо. Но Калафатчи рад, что остался жив.

По правде говоря, мы даже не предполагали, что Большевик — такой сообразительный, ловкий парень. Оказывается, он давно знал о грязных пороках Калафатчи и выжидал удобного случая, чтобы вывести его на чистую воду. Он договорился об этом с молодым лазом Типуки. Когда Калафатчи стал приставать к бедному крестьянскому парнишке, которого он взял себе якобы в «услужение», Большевик и Типуки поймали «господина ростовщика» на месте преступления и опозорили его перед всей тюрьмой.

Разоблачение Калафатчи расстроило планы охранки и прокурора. Теперь арестанты уже не так легко верили клевете, на которую не скупился Бесстыжий Глаз, чтобы очернить нас.

Через несколько лет мне пришлось еще раз натолкнуться на имя Калафатчи.

Когда в последние годы почва стала уходить из-под ног народно-республиканской партии, а от авторитета Иненю не осталось и следа, в стране стали сколачиваться новые партии, одна реакционнее другой. Это делалось для того, чтобы предотвратить окончательное банкротство реакционных правящих кругов и облегчить им маневрирование. Баяр и К° создали тогда так называемую демократическую партию. И что бы вы думали?! Калафатчи стал одним из самых рьяных зазывал этой партии. Он выступает на площадях с громовыми речами,

превозносит до небес американскую «помощь», рассуждает о «нравственности» и «чести», клеветает на коммунистов. Баяру он настолько пришелся по вкусу, что, как сообщали газеты, его прочили в директоры анкарского радио. Он стал депутатом меджлиса.

ПОЕМ ПЕСНИ

По требованию прокурора слушание нашего дела все откладывается. Теперь нас водят в суд по ночам. В зал заседаний никого не пускают. Решено вести наш процесс при закрытых дверях. Но это не судебное разбирательство, а полупантомима. Судьи задают вопросы — мы молчим. Прокурор попрежнему настаивает на смертной казни.

В тюрьме нам пока еще разрешают быть вместе со всеми арестантами. Но, кажется, это продлится недолго.

Два месяца мы спали на голых досках. Потом заключенные лазы подарили нам мохнатую бурку. И сейчас мой товарищ спит, завернувшись в нее.

Задумавшись, я стою у железной решетки окна. Как быстро меняется погода здесь, на побережье! Только что лил дождь, а сейчас солнце играет лучами, сверкает бликами на морской волне...

Тихо насвистываю «Буденновский марш». Перед глазами у меня лава красных конников.

Звон цепей выводит меня из задумчивости. На пороге камеры стоят наши соседи-смертники. Проснулся и мой товарищ.

— Заходите, Капитан! Что вы стоите на пороге?

— Вчера вечером мы слышали, как вы пели песню коммунистов. Только через стену слова не могли разобрать.

— Да садитесь же, друзья! Споем, если хотите, и песню коммунистов.

Голосом меня природа не наградила. Товарищ любит пошутиться над моим пением. Но чтобы отвести душу, то он, то я будим среди ночи друг друга и, забывая обо всем, поем, поем песни. Сейчас, исполняя желание Капитана, мы затягиваем вполголоса:

Зная, ведущее нас, — ленинизм!
Под сенью знамени,
Вперед со знаменем —
Оно ведет в священный бой!
Разрушив этот мир,
Построим новый мир,
Всех угнетенных подняв за собой!

Мы поем все громче и громче. Песня рвется сквозь решетку на волю. Арестанты из других камер набиваются в нашу тесную клетку. Замолкли шаги на дворике. Тюрьма замирает. Мы запеваем песню забастовщиков Измира, но во дворе уже раздаются резкие свистки жандармов.

— Прекратить пение! Марш по камерам... по камерам!

Начинается вечерняя поверка. Надзиратели пересчитывают арестантов. Но в этот вечер творится что-то необычное. На поверку пришли прокурор, начальник тюрьмы и начальник жандармерии. Сначала расписывают всех арестантов по камерам, потом вызывают по одному и обыскивают. После обыска выстраивают во дворе.

Несколько жандармов и надзирателей обходят камеры. Слышен только звон кованых сапог. Вдруг один из жандармов орет:

— В постели Большевика найден нож. Взять вместе с ним и Типуки!

— Бросить их в карцер! Потом поговорим с ними.

Офицер постукивает хлыстом по голенищу. Начальник тюрьмы щелкает табакеркой и отправляет в нос огромную понюшку табаку. Калафатчи — Бесстыжий Глаз, — ослабившись, смотрит на прокурора. Мерзавец мстит.

Арестантов снова загоняют в камеры. Закрывают двери, задвигают засовы. Темнеет. Мой товарищ широкими шагами меряет камеру. Ерошит свои рыжие волосы, — кажется, что они встали дыбом; бормочет что-то про себя, несколько раз повторяет сложные им строки:

Среди безмолвия —

молчим...

Но патрон в ружейном стволе и в молчании страшен.
И не слышится голос другой на земле
Сильней, чем молчание наше!

УДАВ И ГИЕНА

Медленно тянутся дни в тюрьме. Прожить до вечера день — один из многих бесконечных дней долголетнего заключения — бывает так же трудно, как растопить смолу теплом своего дыхания. Как тяжелые паруса в безветренную погоду, повисло время на часовых стрелках. Минуты иногда кажутся годами.

На первый взгляд все дни похожи один на другой. Но не думайте, что в четырех стенах тюрьмы жизнь не идет вперед. Нет, и среди этих сырых камней продолжается борьба.

И закованные в цепи дни вовсе не выпадают перед нами, одинаково повторяясь, как шесть граней игральной кости.

Полночь. Тусклый, мигающий свет ночника режет глаза. Неожиданно дверь камеры распаивается. Входят жандармский офицер и старший надзиратель. Обращаясь ко мне, офицер говорит:

— Одевайся! Господин вали¹ требует!

Собственно говоря, мне не нужно одеваться, только натянуть туфли. Товарищ молча смотрит на меня. Наверняка у него в голове, так же как и у меня в тот миг, мелькают одни и те же тревожные мысли.

Под конвоем выхожу из тюрьмы. Идем... Особняк вали стоит на берегу моря. Каменное здание увито плющом. Вокруг дикие вишни, магнолии. В порту сверкают огни пассажирского парохода. Если бы не эти огоньки, можно было подумать, что находишься в лесу. Свежий воздух ударяет мне в голову.

Жандармы останавливаются у ворот особняка вали. Офицер пропускает меня вперед. Поднимаемся по лестнице.

Широкая софа. У высоких дверей стоит полицейский комиссар. На каждой створке резные вензеля султана Абдул-Хамида. Входим в просторный кабинет. Большие окна выходят на море, на полу ковры. Старинные письма и роспись на потолке и стенах. Старое кресло султанского губернатора. Кемалисты — эта кучка политических спекулянтов, представляющих интересы крупной буржуазии и помещиков, — оставили в неприкосновенности государственную машину султанов. Они только навели на ней республиканский глянец, наклеили на этот аппарат насилия и произвола лишь этикетку «Т. С.» (Türkiye Cumhuriyeti — Турецкая республика). Губернаторы, генералы, судьи, чиновники, офицеры, полиция и жандармерия — все это осталось от старой, монархической Турции.

Темнолицый старик с жирной, в несколько этажей шеей и обвисшими щеками развалился в глубоком кресле. Сразу узнаю в нем вали. Его прозвали Толстопузым Арабом. Рядом с ним прямо, словно проглотив палку, сидит сухопарый блондин с сигаретой в зубах. У него взгляд голодной гиены. За спиной у меня стоит офицер.

Вали с шумом пьет кофе, вертит чашку на кончиках пальцев, словно собирает показывать фокусы. Этот мешок мяса давно уже снискал себе репутацию жестокого палача. В Артвине и Арданоше по его приказу тысячи армян — женщин,

---

¹ Губернатор. (Прим. перев.)

стариков, детей — были сброшены с обрыва и утоплены в реке Чорух. Он злейший враг лазов. Сколько лазских деревень он сжег! До сих пор стоят развалины села Джано. Этот вали — один из кровавых насильников, чьиими руками анкарские правители осуществляют свою политику тюркизации национальных меньшинств.

Я стою перед столом. Вали и сухопарый разглядывают меня с ног до головы. Я же смотрю им прямо в глаза. Не знаю, с какой стороны они набросятся на меня.

Туша вали качнулась, и голова его выдвинулась вперед. В этот момент он чем-то напоминает удава. Но я перед ним не кролик. Наконец губы вали задвигались.

— Кто такой коммунистическая партия? — хрипит он.

«До старости дожил, а ума не нажил!» — чуть не вырывается у меня. Но я сдерживаю себя. Отвечаю спокойно:

— Судя по вашему вопросу, это должен быть какой-то человек.

В разговор вмешивается сухопарый. Тычет мне в нос бумажку величиной с ладонь:

— Смотри, это ваши, твои товарищи писали!

И быстро убирает листок. Я успеваю разобрать только жирные буквы в конце и в начале: «К трудовому народу...» «...Коммунистическая партия».

Сухопарый уставился мне прямо в глаза. Потом берет со стола фотографии, показывает одну за другой и, не переставая, спрашивает фамилии, имена.

— Не знаю, не узнаю, — отвечаю я.

— Они признались, что знают тебя. Смотри, вот их показания.

— Неправда. Все это ложь!

— Ладно, отрицай, отрицай! Все равно свою шкуру не спасешь.

Ясно, что, вызвав меня на допрос среди ночи, они хотят просто взять меня на пушку. Если бы у них в руках действительно были козыри, они бы разговаривали не так.

Листовка радует меня: значит, работа не ослабевает. Но имена, которые мне называют, и фотографии заставляют больно сжаться мое сердце. Значит, снова были аресты.

Вали еще больше откидывается в кресле. Смотрит то на меня, то на фотографии. Потом на прокламации. Корчит гримасу и, обращаясь к стоящему позади меня офицеру, хриплым голосом цедит:

— Убрати!

Когда мы выходим из кабинета, сухопарый бросает мне вслед поговорку:

— Путник не минует караван-сарая!

АНГЛИЧАНИН ЗИЯ

И действительно, мне пришлось еще раз с ним встретиться, и я, забегаая вперед, расскажу, как это было. Но прежде всего несколько слов о нем самом. Он был начальником отдела по борьбе с коммунизмом управления безопасности — турецкой охраны — и был известен под кличкой Англичанин Зия. Еще во время оккупации Стамбула войсками Антанты, в 1919—1922 годах, он был активным членом «Общества друзей Англии». Работал на Интеллидженс сервис под началом полковника Максвелла, руководившего тогда английской разведкой в Стамбуле. Сколько патриотов было замучено в то время в подвалах Арапьянхана, где размещалась английская разведка!

Когда я второй раз встретился с Англичанином Зия, меня привел к нему Беспалый Хамди. В 1950 году на одном из процессов над коммунистами в Стамбуле Беспалый Хамди показал под присягой, что он работает в охране уже 36 лет и является одним из руководителей отдела по борьбе с коммунизмом. Во время оккупации Стамбула он работал в американской военной полиции в районе Галата — Каракей... У Стамбула тогда было несколько хозяев. Одним из них был американский адмирал Бристоль, другим — английский генерал Харингтон. Стамбульская охранка тогда, так же как и сейчас, помещалась в здании Санасарьянхана. Тогда английские и американские холуи пытали патриотов в подвалах Санасарьянхана так же, как они пытаются сейчас коммунистов в камерах верхних этажей. Англичанин Зия, Беспалый Хамди, Рыжий Кемаль, Черный Кемаль и прочие подонки — вот столпы «безопасности» Турецкой республики. Их садизм, продажность, изуверство характерны для нынешней турецкой полиции.

Моя вторая встреча с Англичанином Зия была совсем не похожа на первую. На этот раз и «декорации» были другие. По стенам комнаты выстроились полицейские в штатском с длинными дубинками в руках. На полу, в луже крови, — человек: сразу не поймешь, живой или мертвый. Его спрашивают, узнает ли он меня, обливают холодной водой, но привести в сознание не могут. Поднимают за руки, за ноги, уносят.

Англичанин Зия накидывается на меня, как дикий зверь, но первым же ударом я сбиваю его с ног. Тогда на меня набрасываются со всех сторон, чем-то тяжелым ударяют по затылку...

Когда я немного пришел в себя, вижу, что один глаз у Англичанина Зия распух. Он шипцами рвет мое тело и гасит горящие сигареты в ранах. Руки у меня связаны.

Каждый день он выдумывает новые пытки. Так продолжается неделями.

МАТЬ

Однажды ночью Англичанин Зия устроил мне очную ставку с текстильщицей Зийнет.

— Знаешь его? — спрашивает он женщину.

— Нет, не знаю, — спокойно отвечает она.

Англичанин Зия приходит в бешенство. Обернувшись к стоящему рядом Беспалому Хамди, говорит:

— У этой потаскухи грудной ребенок. А ну-ка, покажи себя.

Кемаль Рыжий и Кемаль Черный набрасываются на Зийнет, рвут на ней одежду. Обнажается грудь женщины. Беспалый Хамди длинными булавками прокалывает Зийнет груди. Кровь брызжет на пол. Но губы работницы выговаривают только два слова:

— Не знаю.

Англичанин Зия садится на стол, поднимает трубку телефона, звонит домой в Кадикей. Любезничает с женой.

Работница Зийнет теряет сознание, падает. Я изранен, не могу подняться на ноги. Ругаюсь от бессилия. Зийнет стонет.

Эту женщину я вспоминаю с глубоким уважением, как свою мать. Она меня знала так же хорошо, как своего новорожденного сына. В ее доме собирався комитет, руководивший совместной стачкой текстильщиков и табачников Стамбула.

Через несколько лет ранним утром у одной из литейных мастерских в Стамбуле, на крутом подъеме из Юксеккалдырыма в Куледибиде, столпились прохожие. На ступенях мостовой головой вниз лежал труп. Черная кровь стекала по камням. Казалось, труп был повешен вверх ногами. Оскаленный рот блестел фальшивыми зубами. Прямо в сердце был воткнут большой брусский нож. Это был труп матерого провокатора, выдавшего Зийнет и многих других революционеров Англичанину Зия.

НАШЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

Под охраной жандармов возвращаюсь от вали в тюрьму. Начинает светать. Мы входим во двор. Товарищ стоит у окна, прислонившись лицом к решетке. Как только я переступаю порог, он бросается ко мне. Мы обнимаемся. Рассказываю, что было у вали. Ложимся, и я забываюсь беспробудным сном.

В этой тюрьме на берегу моря мы сидим уже три месяца и пользуемся сравнительной «свободой». Днем нас даже выпускают во двор вместе с другими заключенными. Но нам до сих пор не удается получить газеты или книги. Мы ничего не знаем о том, что происходит в мире. Мы не можем пока использовать для этой цели симпатизирующих нам арестантов, потому что нам стали известны коварные планы врага. Обстановка сложилась так, что эта наша временная «свобода» не стоит ни гроша.

А бывало и по-другому. Вспоминаю свое заключение в старинной крепости на скалистом берегу Тигра. Вот уж место, куда поистине, как говорят, птица не долетит, караван не дойдет. Это Курдистан, который кемалисты покрыли развалинами и залили кровью.

Вокруг каземата, в котором мы сидели, — четыре стены двухметровой толщины. Даже в самой тюрьме мы были совершенно изолированы от остальных заключенных. За пять лет нас ни разу не выпустили на прогулку во внутренний двор. Управление безопасности установило за нами специальный надзор. Начальник охранки Тыквоголовый Осман любил хвастать, что в эту крепость даже муха без его ведома не пролетит. Среди политических заключенных было полно провокаторов. Мы не прекращали борьбу с ними ни на минуту в течение долгих лет. Строжайшая партийная дисциплина, нерушимое сознание высокого звания коммуниста — вот что было нашим единственным оружием.

И в этих условиях мы нашли способ связаться не только с заключенными курдами, но и с курдскими крестьянами на воле. Представьте себе, мы сумели, несмотря на толстые стены и семь кованых железных дверей, отделявших нас от воли, пронести в крепость «Вопросы ленинизма» и «Об основах ленинизма». Мы читали книги товарища Сталина! А потом сумели передать их нашим товарищам, заключенным в анкарской тюрьме...

А здесь? Тюрьма — у причалов порта. Из-за решетки мы видим, как прибывают и отходят почтовые пароходы. Только

видим. Газет нам попрежнему не дают. О книгах и говорить нечего. Иногда начинаем мечтать,— и вдруг самые далекие звезды кажутся совсем под носом. Будущее рисуется в солнечном свете. Жизнь становится еще дороже. Мы еще увидим свободную Турцию!

А в это время в Самсуне бастовали рабочие, были столкновения с полицией и жандармами. В Эрегли забастовщики бросили в море провокатора — полицейского «социалиста» Этхема Рухи, который подговаривал их выйти на работу.

Из стамбульской тюрьмы к нам перевели сапожника Нури. Смышленный парень. Держится ухарем. Говорит на невероятном жаргоне грузчиков Галаты и ремесленников Аксарая¹. От него мы узнали, что в стамбульской тюрьме около ста коммунистов объявили пятнадцатидневную голодовку. Среди них были и женщины. Сообщения о причинах голодовки и требования заключенных попали в газеты. Товарищей заковали в кандалы. Однажды при выходе из суда у них завязалась схватка с жандармами. Многие были ранены. Нури называл нам знакомые фамилии.

Теперь стал понятен ночной вызов к Толстопузому Арабу и приезд сюда из Стамбула Англичанина Зия.

От Нури мы узнали также, что наши фотографии появились в газетах с подписью: «Коммунисты, которым грозит смертная казнь». Это еще больше расстраивало планы прикончить нас в тюрьме. Народ узнал, что мы арестованы. Стало ясно, почему прокуратура все откладывает наш процесс.

Но мы тоже не сидим здесь сложа руки. Мы собираем вокруг себя людей. За долгие годы пребывания в тюрьмах мы кое-чему научились.

7 НОЯБРЯ

В нашей тюрьме сидит арестант, которого зовут Кузнец Али. Это степенный, уважаемый всеми человек. Высокого роста, темноволосый, с изрытым оспой лицом, он носит островерхую папаху, напоминающую головной убор дервишей Мевлеви, и длинную черную энтари — рубашку, служащую одновременно и халатом. Али не выпускает трубки изо рта. В тюрьму он попал за неуплату налогов.

Кузнец Али очень привязан к Капитану Осману и шорнику Экшиоглу. Целыми днями он не отходит от них. Сегодня Али зазвал нас к себе в камеру. Заказал всем своим товари-

---

¹ Районы Стамбула. (Прим. перев.)

щам и нам кофе. Покручивая мозолистыми пальцами длинные, словно заиндевевшие, седые усы, он мягко говорит:

— Наше ремесло трудное, грязное. Выделка кож тоже. Зато славные, веселые вещи мы делаем. Нагрев и закалка стали — ведь это одно удовольствие! Кто еще сможет выделывать такой кисет с узором на коже, как наш Экши?! А работа ткача? Вот это искусники! Мы любим свой труд, свое ремесло, но в нашей богом проклятой стране оно даже семью прокормить не может. А ведь могло бы быть иначе!..

Кузнец задумывается, медленно выбивает трубку и вдруг, повеселев, продолжает:

— Чтобы не соврать, было это... в ноябре девятнадцатого года. Англичане и американцы давно уже вошли в Стамбул. Появились они и у нас на побережье. Возвращались пленные. Помню, тогда живы-здоровы вернулись седельник Мехмед, котельщик Хамид, мастер по парусам Дурмуш. Каждый вечер собирались мы у кого-нибудь в доме. Они рассказывали нам без конца: в России свалили царя, поднялся народ. Впереди пошли рабочие. Во главе стали коммунисты. Главного зовут Ленин. Рассказывали люди, он очень справедлив. Беев прогнали, землю роздали крестьянам. Устроили Советы и сказали: «Пусть все народы, сколько их ни есть на свете, живут по-братски».

В это время стали объявлять по городу: скоро будут выборы в муниципалитет. Как только эта весть разнеслась по рынку, бывшие пленные решили: сделаем Советы у себя — и весь сказ! Заохотили они и нас к этому.

— Хватит, натерпелись! Не хотим над собой ни кулаков, ни беев!

Не успели мы подумать, что к чему, как однажды утром, только я стал открывать ставни своей мастерской, глядь, является котельщик Хамид.

— Закрывай ставни, Али!

— Что случилось?

— Будем делать Советы!

Собрались все наши ремесленники. Достали красное знамя. Такое же, как наш турецкий флаг, только без полумесяца и звезды. Вместо них были огромные серп и молот. Знамя это дали мне в руки и сказали, чтобы я не снимал фартука. Все нацепили красные ленты — кто в петлицу, кто в башлык. И отправились на Узунчарши через Шейтанпазар. Шли и кричали: «Да здравствуют Советы!»

Не успели мы подойти к дому вали, как на площади у кре-

пости затрещали выстрелы. Я несу знамя высоко над головой, как покрывало невесты... Купцы позакрывали лавки — и удирать...

Тогда в нашей округе действовал небольшой повстанческий отряд. Его возглавлял один дезертир по имени Кечели. Был он так зол на Энвера-пашу, что если б тот попался ему в руки, разорвал бы его на куски. Отряд его был невелик. Крестьяне очень любили Кечели. Он доводился родственником нашему седельнику Мехмеду.

Оказывается, наши тайком от всех дали весть Кечели, и он спустился с гор со своим отрядом. Первым делом отряд напал на тюрьму. Распахнули настежь ворота этой вот самой тюрьмы, где мы с вами сидим сейчас, всех выпустили. Мы же ворвались в дом вали. Но его уже и след простыл.

Знамя я все время нес на плече. Освобожденные из тюрьмы просят: «Дай мы понесем!» Но я не отдал. Смотрю, в толпе все больше и больше с оружием.

Ворвался народ и в суд, прямо в зал заседаний. Как раз в это время судья говорит крестьянину:

— Приведи свидетелей!

Кечели вскочил на место судьи и заорал во весь голос:

— Вот они, свидетели, пришли!

Суд разогнали, а крестьянину говорят:

— Иди, дядя, бери свою землю!

А он все стоит и растерянно оглядывается по сторонам.

В тот день до вечера улицы были полны народа.

— Соберем меджлис, устроим Советы! — сказали мы народу.

Жандармов и властей след простыл. Никто из богатей на улице не показывался. На следующий день начал валить народ из соседних деревень. Голод был. Для бедняков открыли мы склады, стали раздавать кукурузу, соль. Составили списки в Советы. И меня кандидатом записали. Обязательно выберем, говорят.

Весь наш ремесленный рынок поднялся. Но мы ничего не знали, что делается даже в соседней деревне Фетекос. Тюрьму открыли, а поместья деребеев не тронули...

Прошло три дня. В этот день мы должны были выбирать Советы. Тем временем из Трабзона против нас выслали войска. Они вошли в город, началась стрельба, аресты. Мы ушли в горы, на Демирдаг. Долго мы еще носили оружие. Правительство не больно гонялось за нами. Началась война за независимость, и мы ушли на фронт...

Так и не выбрали мы Советов. Правду говорят: куй железо,

пока горячо. Но кто берется за дело, как мы, без всякой подготовки, у того всегда по усам течет, а в рот не попадает. Конечно, никто в материнской утробе не научится Советы делать. Но как бы там ни было, хоть один день, а были мы сами себе хозяева!

Я передаю рассказ Кузнеца Али так, как он запечатлелся в моей памяти.

Старый кузнец недаром собрал нас и рассказал обо всем. Сегодня 7 ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Октябрьская революция в России землетрясением прошла по всему миру, всколыхнула колониальные и зависимые народы. Поднялся на борьбу против гнета англо-американских империалистов, разделивших тогда между собой Анатолию, и турецкий народ. Слабый, еще не успевший созреть турецкий капитализм, испугавшись широкого народного движения, разродился ублюдом — кемализмом, верхушечной буржуазной «революцией». Обстановка сложилась так, что народные массы — рабочие, крестьяне — сражались с интервентами и умирали, а власть захватили капиталисты и помещики.

Во время национально-освободительной войны 1919—1923 годов рабочий класс Турции был малочислен, неорганизован, неопытен. Компартия делала еще только первые шаги. Главные промышленные центры страны были оккупированы Антантой. Все это привело к тому, что народные массы вышли из войны с пустыми руками.

Кемалисты только под давлением взявшихся за оружие народных масс были вынуждены тогда принять участие в национально-освободительной войне. Но уже с самого начала они исподтишка вступили в торг с империалистами и никогда не отказывались от сговора с ними.

Придя к власти, кемалисты, представлявшие наиболее реакционные и шовинистические круги страны, обрушили беспощадный террор на рабочий класс, на коммунистическую партию, на патриотов. Их террор усиливался каждый раз, как только они вступали в новый сговор с какой-нибудь из империалистических группировок. Еще в самые тяжелые дни национально-освободительной войны кемалисты всадили нож в спину турецкому народу — они зверски убили вождей коммунистической партии, подлинных защитников национальных

интересов Турции. Не случайно эта кровавая драма на Черном море разыгралась в тот период, когда прибывший из Вашингтона американский генерал Харборд вел «частные переговоры» в Анкаре.

И теперь, отдав страну на откуп американским империалистам, кемалисты мечтают о «Великой Турции на трех континентах». Расстелив перед собой карты авантюриста Энвера, они бредят: «Мы перейдем Кавказские горы. Мы выйдем к берегам Дуная!» Каждый день главари турецких фашистов — пантуркистов — на каждом перекрестке кричат, что они готовы к войне против Советского Союза и стран народной демократии. Но обезумевшие янычары американского империализма в своих планах не учитывают самого главного — воли трудящихся масс.

История возложила на нас, на коммунистическую партию Турции, тяжелую ответственность. Мы, коммунисты, будем до конца верны пролетарскому интернационализму. Мы должны разоблачать грязные авантюристические планы предателей народа, беспощадно бороться против тех, кто готовится напасть на друга турецкого народа — Советский Союз.

ОРЕЛ, ЗАКОВАННЫЙ В ЦЕПИ

Уже много дней мы с товарищем обсуждаем национальную и крестьянскую проблемы Турции. Очевидно, под впечатлением этих разговоров меня гложет сегодня необоримое желание — послушать оперу «Иван Сусанин». Я говорю об этом товарищу. Он вздыхает, улыбается:

— Многого же ты хочешь! Я, например, согласен даже на вальс Штрауса...

Снова идет дождь. Как низко нависли черные тучи! Кажется, будто наступили сумерки. На дворике никого нет. Я спускаюсь вниз, в камеру горцев. Сюда почти никогда не проникает солнечный свет. Сегодня же здесь темно, как в колодце. Дежурный зажигает висящие на стенах светильники. Из пузырьков вытягиваются красные язычки. Арестанты сидят на корточках на самом краю нар. Горцы почти всегда сидят так. Сейчас они напоминают больших птиц, усевшихся на скале. Гордый, орлиный взгляд... Когда они шевелятся, на потолке, на стенах в красноватом свете коптилок колышутся неясные тени, и кажется, будто это огромные птицы расправляют крылья и вот-вот взлетят.

Я подхожу к крестьянину Шабану, присаживаюсь рядом

с ним на цыновку из грубой овецъей шерсти. Этот крестьянин любит нас не меньше, чем Большевик. Он сидит на корточках в самом углу нар. У него очень резкие черты лица. Глаза неподвижно устремлены на решетку узкого окошка, похожего на щель бойницы. Монотонно и плавно он поет дестан:

У мечети я руки в крови обагрил,
У стены крепостной я врага сторожил,
По жандармам немало пуль я пустил...

Дестан длинный, и я его почти забыл.

— Скажи, Шабан, кто сложил этот дестан?

— Девушки нашей деревни про меня так пели.

Я слушаю его рассказ.

«Наша деревня на речке Фыртына стоит. От моря очень далеко. Когда в этой горной деревушке мой дед поселился, не знаю. В нашей деревне дворов пятьдесят — шестьдесят, а разбросана так, что пяти домов рядом не увидишь. С землей у нас очень туго. Поля — на отвесных скалах. Наш клочок тоже в горах. Кроме ячменя да кукурузы, ничего не родится. Все заливные поля по речке у двоих — троих.

Было это два года назад, в начале весны. Эх!.. Я тогда только из армии пришел. Забрали меня подорожный налог отработывать — камень разбивать. Вернулся. В поле мы с женой работали. Солнце уже опускалось. Вдруг издали слышу голос отца. Потом он и сам появился. Рвет свою бороду, глаза налились кровью. Мы остолбенели.

— Нурикоглу, это только кровью смывают, кровью! — кричит.

— Что случилось? Говори скорей!

— Пришел сборщик налогов... И в этот раз не сможем уплатить, говорю ему. Даже слушать не стал. Вошел в дом, выломал котел. А штаны твоей жены на дверях мечети повесил. «Другим в назидание». Шабан! Это дело только кровью смыть можно, только кровью!

В голове у меня зазвенело, поле ушло из-под ног. Что потом было? Толком не знаю. Помню только, как у дяди в доме я набивал патроны за пазуху.

Погода вдруг изменилась. Видите, какая у нас здесь погода. За один час дождь пройдет, ветер поднимется, потом снова солнце откроется.

Мечеть стоит далеко от нашего дома. Темнеть уж начало, вот точно как сейчас. Шел я — ничего не видел. Когда подошел к мечети, дождь бил, как палками. Из комнаты под модельной доносились голоса. Я подошел к окну. Первое, что

увидел, — на палке у очага штаны моей жены. Комната полна народу. В голове у меня шумело: слов я не разбирал. Слышал только смех нашего деревенского мироеда. Сборщик продавал штаны, а ага набивал цену. Дождь хлестал плетьюми. Голоса мешались у меня в голове. Помню кто-то сказал:

— Не пристало это. Срам какой!

Ага смеялся.

Наконец все поднялись. Дверь мечети распахнулась. Первым вышел сборщик. Я отступил назад, за камень, на который гробы ставят. За сборщиком показался ага. Он держал в руках штаны и громко смеялся. Как сейчас вижу только две вспышки из дула моей винтовки — и всё...»

Глаза у Шабана расширились, горят. Он скрипит зубами.

— Обоих прикончил?

— Сборщик еще жил немного. С его слов судья и присудил меня к смерти. А ага даже ахнуть не успел.

— Тебя сразу поймали?

— Не-е-т. Я в горах долго ходил. Дрался с жандармами. Карательный отряд наш дом сжег. Отряда я не сумел собрать. Не было у меня тогда товарищей. Вот если бы мне встретить того курда, который спас меня от жандармов, когда я из армии дезертировал и ранен был на реке Сахо! А один не воин... Сын аги с жандармами засел на дороге. Я на их засаду напоролся. Ранен был, не мог вырваться.

Шабан вздыхает. На ногах у него кандалы. Цепи свешиваются с нар. Он сидит на корточках, совсем как орел, закованный в цепи. Красные язычки светильников вытягиваются, растут. В камере тяжелый, спертый воздух: запах грязных тел, тряпья смешался с табачным дымом. Чахоточные арестанты то и дело раздражаются мучительным кашлем, харкают кровью.

РАССКАЗЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В ночной тишине под шум дождя товарищ рассказывает мне о бунте курсантов военно-морской школы. Однажды утром, когда на учебном судне сыграли подъем, курсанты не поднялись с люлек. Они отказались от завтрака, не вышли на занятия, а дежурного офицера заперли в каюте. Дело стало принимать серьезный оборот. Явился капитан и приказал выстроиться всем на палубе. Когда он спросил, чего хотят курсанты, они растерялись. Кто говорит, — люльки обрываются, кто говорит, — вилок, ножей нет. Только один не растерялся. Сделал шаг вперед, отдал честь:

— Англичане и американцы без спроса пришли в нашу страну. Так больше жить нельзя. Почему же вы даете нам учебные винтовки без затворов?

Бунт закончился тем, что во время обеда каждому рядом с тарелкой положили сразу по паре ложек, ножей и вилок, а с тех, кто требовал оружия для борьбы с англо-американскими интервентами, сорвали желтые пуговицы с якорями и сняли мундиры (оставили только тельняшки). Под звуки горна им выдали свидетельства «об увольнении с действительной службы» и списали с корабля. Одним из этих изгнанных из флота был и мой товарищ.

— У меня тогда еще молоко на губах не обсохло. Мне было всего семнадцать лет, — говорит он.

Эту историю я слышу уж не знаю в который раз! В тюрьме даже неразговорчивые люди по несколько раз рассказывают друг другу о своей жизни. Некоторые так часто повторяют свои рассказы, что они запоминаются наизусть.

Много интересных историй услышали мы в тюрьме от своих товарищей-коммунистов. Это целая воспитательная литература! По ней знакомишься с образцами смелости, находчивости, хладнокровия, дисциплинированности, отваги, инициативы — качеств, столь необходимых каждому коммунисту. Перескажу несколько запомнившихся мне историй.

«БЕЛЫЙ ПОЕЗД»

...В день Первого мая на улицах в городах запрещено появляться вместе даже трем рабочим. Полиция, жандармерия, воинские части приводятся в боевую готовность. В пригородах, на полях, пустырях — там, где могут проходить собрания рабочих, — устраиваются военные маневры.

Однажды в Адане утром Первого мая, в час, когда меняются смены, на фабриках зазвонили телефоны:

— Прибывает «Белый поезд»! Президент едет! Давайте гудок!

Загудели фабричные гудки. С криками: «Кончай работу!» — рабочие стали расходиться. Остановились станки. Народ высыпал на улицу.

Когда полицейские, услышав гудки, примчались в фабричный район Чарчабук — Курукепрю, на другом конце города — в Папазынбахчеси — был устроен летучий митинг. Пока полиция, поняв, в чем дело, прибыла туда, митинг закончился, все давно уже разошлось, а красный флаг, который был водружен на одном из тополей, висел много часов.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ

...По профессии этот парень — токарь. У него красивый, высокий голос. Рабочие прозвали его Громкоговорителем. Как-то в один и тот же вечер, в часы, когда меняются смены, он выступал на семи летучих митингах у ворот фабрик в разных районах Стамбула.

Когда начинает темнеть, его можно увидеть и в районе Касымпаша, и в Айвансараяе, и в Казлынешме. В крестьянской одежде, с ведром в руке бродит он по улицам рабочих предместий и с азиатским акцентом звонко кричит:

— Соленья!.. Соленья-я-я!.. Кому соленья?!

Ходит он очень быстро. Однажды преследовавший его пожилой сыщик свалился замертво от разрыва сердца. Не успев оглянуться, как Громкоговоритель со своими «соленьями» уже исчез. А на углах улиц, где он только что побывал, собираются прохожие, читают расклеенные на стенах листовки коммунистической партии.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

...За ним так и осталось прозвище Бумажный Змей. Он **шофер**. У него раскосые, как у китайца, глаза.

Произошел этот случай **во время** крупных арестов и облав. В охранках пытали тысячи рабочих. Министерство внутренних дел хвастало: «В Турции больше нет коммунистов». Но организации коммунистической партии назло врагу буквально через день выпускали прокламации.

В главном управлении безопасности «работал» тогда некий Мюджиб — типичный янычар. Во время пыток он приказывал класть людей на спину и приставлял им нож к горлу. Особенно издевался он над коммунистами из национальных меньшинств. Вообще в полиции коммунисты — греки, курды, армяне, лазы — подвергаются самым страшным пыткам и унижениям — и как коммунисты и как представители угнетенных национальностей.

Мюджиб ходил повсюду с огромной палкой. В кофейнях, на улицах, в лавках он хвалился, что может узнать коммуниста за сто метров.

Однажды, когда этот здоровенный охранник проходил по анкарскому рынку Караоглан, все прохожие оглядывались ему вслед: за ним на тонкой нитке, прицепленной к спине, летел, как бумажный змей, небольшой листок бумаги. Это бы-

ла листовка, призывавшая к протесту против фашистского террора в стране. Ее прикрепил к спине Мюджиба наш шофер.

Рассказывая об этом, Бумажный Эмей не может удержаться от смеха.

КОМСОМОЛЬЦЫ

...Все трое они комсомольцы. Им по 17—19 лет. Один из них был арестован в Измире. В полиции его заставляли босыми ногами ступать по раскаленным углям. До сих пор он хромот. Саженого роста, здоровый, боевой парень.

— Ходить по горячим углям — это тебе не по васьковому полю гулять! — говорит он.

Второй — хрупкого, нежного сложения. Был арестован во время стачки табачников в Самсуне. В полиции его сначала пытали голодом, потом стали кормить соленым хлебом, и несколько дней не давали воды. Этот хрупкий юноша смастерил из глинистого хлеба пятиконечную звезду, окрасил ее кровью, сочившейся из ран, и налепил себе на грудь.

Третий комсомолец — среднего роста крепыш. Однажды ночью в Стамбуле, в тот самый момент, когда он наклеивал в районе Бешикташ листовку на стену, перед ним вырос полицейский.

— Попался, голубчик!

Комсомолец, нисколько не смутившись, сунул в руку полицейского банку с клейстером, кисть и листовку.

— На, держи!

Только когда он завернул за угол, «фараон» пришел в себя. Изо всех сил засвистел он в свою дудку, но находчивый парень был уже далеко.

ТЮРЬМЫ НЕ СЛОМЯТ ВОЛИ К БОРЬБЕ

Большинство турецких тюрем было построено еще в средневековье. Это зловонные, зараженные паразитами склепы. С потолка нашей камеры дождем сыплются клопы. Мой товарищ ведет с ними непрерывную войну. На стенах пятна крови. Тошнотворный запах раздавленных насекомых щиплет в носу.

В тюрьме Афьонкарахисара заключенные при свете ночников наглавливали полные горсти блох и нанизывали их на нитку, как бусы. В застенках Диарбакырской крепости нам причиняли много хлопот скорпионы в 15—20 сантиметров длиной.

В Анкаре новая городская тюрьма построена рядом с кладбищем Джебеджи. Одиночки — это гробы из железобетона. Рядом с изголовьем привинченной к стене койки — параша. Сырость пронизывает до костей. Крысы до того нахальны, что вырывают из рук хлеб. Кемалисты хвастают, что турецкая столичная тюрьма не уступает американскому застенку «Синг-синг».

Город Мардин стоит на горе. Тюрьма там на сорок ступеней уходит под землю. Когда-то здесь была войсковая конюшня. Одиночки здесь — это железные клетки, под ними течет вода. Мы видели, как в этих клетках угасают курдские и арабские юноши.

Измирская тюрьма находится в одном из оживленных районов на пути к рабочим кварталам города. Камеры в ней располагаются одна против другой. Между ними длинный коридор с железной решеткой вместо крыши. Я сидел там в камере № 12. Голый цементный пол. В середине железной двери «глазок» величиной с кулак. Только через него и попадает в камеру дневной свет. Из щели под порогом стаями выползают муравьи. Тогда в этих камерах сидело 55 закованных в кандалы коммунистов. Каждый вечер, когда по дороге за тюрьмой возвращались с заводов рабочие, мы, припав к отверстиям «глазков», пели «Интернационал». Наши голоса, поднимаясь над тюремными корпусами, летели на волю. Сержант жандармерии, тряся толстым, как винная бочка, брюхом, кричал, заикаясь от злобы:

— Вот я вам покажу!

Часовые рассказывали, что прохожие останавливаются и слушают наше пение.

Кемалистам мало 460 тюрем. Они строят еще и еще. Турецкие фашисты похваляются, что новая тюрьма в Зонгулдаке — в одном из крупнейших рабочих центров страны — по своей «эффективности» превзойдет даже крепость Бодрума, расположенную на скалистом полуострове, где в окна камер хлещут морские валы.

Почти в каждом селе кемалисты построили жандармский участок, в то время как в 23 тысячах из 38 тысяч турецких деревень нет даже начальной школы. Вся Турция превращена в тюрьму для народа. Из Италии экспортирован фашистский уголовный кодекс, из гитлеровской Германии — методы гестапо, из Америки — провокационные методы удушения свободы и движения сторонников мира.

Многие турецкие коммунисты были брошены в тюрьмы

безусыми юношами, а выходили седобородыми стариками. Имена коммунистов, просидевших в тюрьме 15—20 лет, составили бы огромный список. Сотни коммунистов провели долгие годы жизни, скитаясь по этапам из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку.

С начала второй мировой войны и по сей день коммунистов, патриотов судят только в закрытых гарнизонных судах и специальных военных трибуналах. Видя, что борьба народа за демократию усиливается, кемалисты проводят через меджлис новые драконовские законы со скоростью экспресса. Один из фашистских главарей, Арваз, выступая в меджлисе, кричит:

— По ночам мы не можем сомкнуть глаз! Нам снятся красные. Мы требуем еще более суровых законов. Мы должны уничтожать коммунистов, как это делал Гитлер!..

Да, велик ваш страх, велика ваша злоба. Но вы не можете разрушить фабрик виселицами! Вы не можете уничтожить рабочий класс! Вы не можете «отменить» коммунистическую партию!

Всякий раз, когда газета и листовки компартии получают широкое распространение в народе, американизированные депутаты в меджлисе, купленные за доллары министры и журналисты вопят: «Левые неистовствуют!», «Красная пятая колонна!», «Агенты Коминформа!». Но турецкие реакционеры боятся даже назвать по имени Коммунистическую партию Турции.

Зато как только попадаешь в лапы полиции или предстаешь перед судом военного трибунала, все оборачивается по-иному.

В полиции и военных трибуналах арестованным коммунистам тычут в нос как вещественные доказательства их деятельности газеты, издаваемые в подполье, распространяемые в народе прокламации. Газеты и журналы компартии: «Пламя», «Большевик», «Коммунист», «Единство», «Батрак», «Труд», — подшитые в сотни дел, путешествуют вместе с закованными в кандалы коммунистами из охранки в прокуратуру, из прокуратуры в полицию, из полиции в военные трибуналы.

«Красный Стамбул», «Красный Эскишехир», «Красный Измир», «Красный Самсун», «Шахтер», «Рудокоп»! На сколько тысяч лет тюрьмы и каторги были осуждены эти газеты вместе с членами нашей партии?!

Сыщики, полицейские, провокаторы уже 20 лет охотятся за центральным органом партии — газетой «Орак-чекич» («Серп и

молот»). Сколько наших товарищей, героев, таких, как моряк Мухаррем, отдали жизнь, защищая «Орак-чекич»!

После каждой облавы на коммунистов министерство внутренних дел Турции передает для печати штампованные сообщения: «От коммунистических организаций в Турции не осталось и следа». Но проходит немного времени, и писак с улицы Анкары снова поднимают вой: «Коммунисты... Красные...» В меджлисе маршализованные депутаты образуют «Комиссию по борьбе с коммунизмом», издается закон «О борьбе с левыми течениями». Поощряются фашистские хулиганские банды пантюркистов, устраивающих погромные манифестации.

Но шила в мешке не утаишь. Время от времени волей-неволей антинародным правящим кругам приходится делать вынужденные признания. «Коммунистическая партия пустила в Турции глубокие корни... Во главе тех, кто требует свободы и демократии, вы видите коммунистов!», — пишет газета «Улус».

Даже кемалисты, которые клеветают на нас, называя нас «импортным товаром», вынуждены признать, что Коммунистическая партия Турции стоит во главе борьбы народа за мир, демократию и национальную независимость. Именно это и пугает их больше всего.

Есть такой генерал Тыназтепе. Это типичный фашист по своим убеждениям и делам. Вот что писал он в одном из своих донесений, когда был генерал-губернатором Стамбула:

«Происходившие в течение долгих лет в турецких военных судах и трибуналах политические процессы — это, по существу, процессы над Коммунистической партией Турции и ее Центральным комитетом... Теперь эта партия зовет народ на борьбу против американцев. В своих листовках, распространяемых в народе, она заявляет: «Анкарское правительство продало независимость страны за долларовую подачку».

Враги турецкого народа в своих секретных рапортах и донесениях признают то, о чем боятся сказать открыто. Они вынуждены считаться с деятельностью партии, которую они хотят задавить своими фашистскими законами. Солнце глиной не замажешь!

И тридцать лет коммунисты Турции перед лицом врага в судах и военных трибуналах, в тюрьмах и застенках полиции, как клятву, повторяют последние слова своего товарища Месуда, сказанные им перед казнью в 1920 году:

— Да здравствует Коммунистическая партия Турции!

ИДТИ ВО ГЛАВЕ!

В тюрьме появился новый заключенный. Он стоит на дво-
рике и, как горная коза, пугливо оглядывается по сторонам.
У него такой вид, словно каждую секунду он ждет нападения.
Потурецки парень не понимает ни слова. Это лаз из Арди-
шена. Он совершил убийство на поле из-за связки риса.

Рисовые поля Турции... Они обильно политы кровью и по-
том, удобрены трупами батраков. На плантациях помещика
Карабекира, в долине реки Марица, на реке Мендерес в по-
мestьях Адана Мендереса, который разгуливает по своим вла-
дениям со стеком в руках и в американской панаме на голове,
батраки мрут, как мухи, от голода и малярии. Сельскохозяй-
ственные рабочие не раз поднимались вместе с крестьянами
против помещиков, жгли их усадьбы. То и дело обгаются
кровью рисовые поля в уезде Кадирли. Однажды сотни кресть-
ян этого района с оружием в руках поднялись против помещи-
ка. Из Адана для расправы с крестьянами была выслана целая
дивизия. Восставшие крестьяне ушли в горы. С обеих сторон
были убитые и раненные.

Число стихийных крестьянских восстаний растет из года
в год. И это не случайно. В долинах Анатолии каждый амери-
канский трактор, как танк, давит своими гусеницами десятки
крестьянских хозяйств. Приобретя с помощью «плана Мар-
шалла» американский трактор, турецкий помещик говорит
крестьянину: «А ну-ка, убирайся из деревни! Я буду произво-
дить рис, лен, хлопок для американских, английских и немец-
ких торговцев смертью». Крестьян сгоняют с земли, которую
они обрабатывали из поколения в поколение, отбирают паст-
бища, на которых пасли свой скот их деды и прадеды.

Сотни тысяч изгнанных из разных мест издольщиков,
испольщиков бредут по дорогам Диарбакыра, Чукуровы. Из
этого страшного положения разоряющиеся массы крестьян
видят только один выход. Они берут в руки вилы, топоры, лю-
бое, попавшееся под руку оружие и поднимаются на помещи-
ков. Удалось подсчитать, по сообщениям газет, что за 6 меся-
цев 1949 года только в 22 губерниях страны произошло 323 во-
оруженных столкновения крестьян с жандармами, полицией
и войсками. Крестьяне сжигали помещичьи усадьбы, амбары,
хлева, угоняли скот, делили между собой землю. Это были на-
стоящие сражения, в которых принимали участие сотни кре-
стьян. Кровавые события, происходящие в турецкой деревне,
показали, что чаша терпения крестьян переполнилась. Эти

события показали также, что борьба крестьян за землю все теснее связывается с борьбой всего турецкого народа против американского рабства.

Помещиков обуял страх. Даже купленные ими борзописцы с улицы Анкары завывали: «Страну охватил пожар крестьянских волнений!», «Крестьяне выступают против государственной власти!».

Миллионные массы крестьян за долгие столетия стосковались по земле. Ногтями, зубами, оружием готовы добывать себе крестьяне землю. Но добудут они ее при одном условии: если мы, коммунисты, встанем во главе движения, организуем и сплотим массы.

Мы не можем стоять в стороне, в позе наблюдателей. Решения крестьянского вопроса в Турции — кровное дело турецкого рабочего класса и его авангарда — компартии. С какими только чуждыми элементами, с какими только врагами в рядах партии нам не приходилось бороться! Сколько антиленинских «течений» пришлось нам разбить! И со сколькими еще предстоит беспощадно бороться! Кто только не выступал против нас: сектанты, хвостисты, ликвидаторы, антикрестьянские уклонисты, бонапартисты, авантюристы, болтуны, «салонные коммунисты»! Однако все они сходились на одном: они хотели, чтобы коммунистическая партия плелась в хвосте у стихийного движения. Но Сталин учит: идеология «хвостизма» — логическая основа всякого оппортунизма. Этого мы не должны забывать никогда.

ПУГОВКА НА СЕРДЦЕ

Сегодня у нас хорошее настроение: с Большевика и Типуки сняты кандалы. Оба парня очень ослабели, но дух их, кажется, только закалился. Мы завтракаем вместе.

Кузнец Али передал нам сегодня от неизвестного нам Мамоша Абдуллы судки, полные еды. Рассказывают, что Мамош — благообразный седобородый человек богатырского сложения. Прекрасный стрелок. В годы первой мировой войны он дезертировал из армии. Однажды, когда отряд жандармов под командой известного пантюркиста полковника Хамида вел на расстрел группу армян из Ходуджура, Мамош с кучкой дезертиров напал на жандармов и спас армянских крестьян от смерти. Долго он водил их по горам, пока не переправил за границу. Теперь, говорят, ему уже перевалило за шестьдесят. Мамош увидел нас в суде в день первого заседания. Мы про-

сили Кузнеця Али засвидетельствовать наше уважение этому благородному и храброму человеку и передать, чтобы он не доставлял себе больше хлопот заботами о нас. Однако присланную им еду мы съели с большим аппетитом.

Типуки все смеется:

— Начальник сделал вид, что помиловал нас. Но все время выспрашивал, о чем вы говорите с арестантами. Ишь, чего захотел, пустой помещичий мешок! Так мы ему и скажем! Ха!

Большевик смотрит на все это серьезнее:

— Пока здесь будет Бесстыжий Глаз Калафатчи, нам с тобой еще не раз придется посидеть в кандалах.

После еды выходим на террасу. Арестанты лениво слоняются по двору. На мне темносиняя рубашка с короткими рукавами. Такие рубашки с карманчиком были одно время модны среди рабочей молодежи. На кармашке маленькая пуговица с рисунком. Ее мне подарил один болгарский коммунист. Сколько обысков мы простили, сколько раз нас обшаривали с ног до головы, но пуговица эта сохранилась, хотя и не была заколдованной. Они не знали, чей портрет выгравирован на ней. Полиции и в голову не приходило, что я открыто ношу на своей груди портрет Ленина. Он был без привычной бородки клинышком, он не стоял на трибуне, чуть подавшись вперед, сжимая в руке кепку, он не говорил с миллионами, поднимая руку в энергичном жесте. Они видели только круглое детское лицо, обрамленное вьющимися волосами. Но ленинский высокий лоб, глаза с характерным ленинским разрезом смотрят на меня из-под летящих бровей.

Большевик, смущаясь, спрашивает:

— Кто это?

Я объясняю юноше понятным для него языком, кого я ношу на сердце.

ХЛЕБ, ВРАЧ И ЗОЛОТАЯ ЛИРА

Арестантам раздают дневной паек — кусок хлеба величиной с кулак. Но, чтобы назвать этот «хлеб» хлебом, нужно, как говорят, семьдесят свидетелей. Поставщик подкупает прокурора и начальника тюрьмы, сбывая эту смесь глины с песком и отрубями. Да кого, собственно, может волновать, что люди едят глину вместо хлеба? Нам, коммунистам, вообще ничего не дают.

Уже много дней мы без конца говорим с арестантами об этом хлебе. Даже обитатели «камер голых» склоняются к

бойкоту. Необходимо выступить всем сообща. Постепенно мы устанавливаем контакт между турками и лазами. Теперь, когда происходит раздача хлеба, каждый раз слышится ругань по адресу поставщика и прокурора. Только камера Карачалы портит все дело. Он в камере полный хозяин — «пахан». У него своя шайка. Все его люди — агента начальники тюрьмы. Но мы силой большинства начинаем прижимать их. Карачалы и компания стали побаиваться нас. А ведь охранка и вали хотят покончить с нами именно руками этого сброда.

Тем временем в нашей тюремной жизни происходят события, которые приносят много неожиданного.

В камере горцев двое заключенных заболели дизентерией. Вся тюрьма поднялась на ноги. Прибыл муниципальный врач. Больных отправили в казенную больницу. Такого еще не знала здешняя тюрьма: до сих пор из нее выносили только трупы.

Местный муниципальный врач и судебный врач — одно лицо. Врач он или коновал, — кто его знает! Смотрит поверх очков. Взятки берет налево и направо. Бумажные деньги «не уважает», зато при виде золота весь загорается. Убьют кого-нибудь в окрестности, он является, пишет заключение. За каждую строчку берет по лире — с той и с другой стороны. Этот продувной «доктор» изредка появляется и в тюрьме. Здесь есть пустая комнатка, называемая «амбулаторией». Пока он сидит в этой комнатке, надзиратели приводят ему больных; происходит «врачебный осмотр».

Доктор тычет больного палкой:

— Что у тебя?

Едва тот успеет произнести «живот», как доктор кричит:

— У меня тоже живот болит! — и прогоняет больного.

Приводят другого.

— Что болит?

— Зубы...

— Убирайся вон! У меня тоже зубы.

Так продолжается минут 30—40, потом доктор поднимается и уходит.

Но в последний раз все было иначе. Как только он показался в тюрьме, арестанты дружно стали кричать:

— Больной доктор пришел! Давайте осмотрим больного!

«Доктор» решил отступить от своих правил и отправил больных в лазарет.

Даже самый маленький успех придает людям смелость. Теперь заключенные стали всерьез поговаривать о бойкоте хлеба.

На верхнем этаже тюрьмы помещается камера Карачалы. Утром двери этой камеры открываются раньше всех, вечером запираются позже всех. В одном из темных углов этой камеры несколько арестантов, поджав ноги, сидят на койке. Из рук в руки они передают толстую сигарету — курят гашиш.

Средь бела дня в камере Карачалы режутся в карты. Четверо арестантов уселись вокруг железной банки, слышатся только их короткие реплики и ругань.

Один все время проигрывает. Свое одеяло, матрац он уже спустил.

— Что у тебя еще осталось?

— Рубашка.

— На нее не играю, дерьмом воняет.

Проигравшийся в кальсонах и рубашке отходит в сторону, укладывается на голых досках, приговаривая:

— Ох, трещат мои косточки!

Из четверых игроков остались двое. Рядом с ними стоит поджарый смуглый арестант. Это сам «пахан» Карачалы. Длинными пальцами он перебирает янтарные четки, напряженно следит за игрой. Он-то и затевает игру, а с выигрыша берет проценты.

Первый раз Карачалы попал в тюрьму за драку из-за межи. Не успев отсидеть свой срок, убил арестанта. Стали его пересылать из тюрьмы в тюрьму. В нашей он отравил другого арестанта за деньги, полученные от его врага. Карачалы — это бич всей тюрьмы. Дергающийся, злой, навязчиво-вызывающий, всегда в движении, он как куст терновника на ветру. Его поэтому и прозвали Карачалы — Терновник.

Игрски говорят мало, быстро бросают карты. Один из них весь рыжий, даже ресницы рыжие. Зовут его Бекташ Рыжая Бровь. Он кладет на жестянку золотую лиру. К ней жадно устремляются все взоры. Карачалы смотрит сверху.

— Смешай колоду... Как следует мешай! Не подглядывай! Давай туз, — говорит Бекташ.

— Тебе, мне... твой, мой... мне, тебе...

Рыжая Бровь протягивает руку к лире. Партнер хватает его за кисть. Лица у обоих бледнеют. Жестянка опрокидывается.

— Отдай, сволочь!

— Нет, морда, не возьмешь!

Карачалы встает между ними.

— Бекташ, ты подавишься этой лирой! Меня зовут Карачалы, помни.

Дерущихся разняли. Крики стихают. У Бекташа со лба капает кровь. Карачалы кладет кусочек золота к себе в карман.

— Это тебе так не пройдет, Карачалы!

— Не таких видели... Ты еще щенок, Бекташ.

Карачалы разваливается на матрасе. Прислуживающий ему арестант массирует его ноги.

ПО КАМНЯМ ДВОРА ТЕЧЕТ КРОВЬ

Источник, из которого арестанты берут воду, совсем пересох. Вода в нем уже не журчит, а льется в каменное корыто совсем тоненькой струйкой. Стучат о корыто пустые кувшины, жестяные кружки. Люди столпились возле источника, гомонят. В толпе вертится Большевик.

Приносят паек. Камеры не берут хлеба. Бойкот! Начался бойкот!

— Мы не собираемся продирать себе кишки песком! — кричат арестанты.

Кузнец Али, Капитан Осман и шорник Экшиоглу идут к старшему надзирателю требовать, чтобы он сообщил начальнику тюрьмы и прокурору требования заключенных.

Только Карачалы посылает дежурного по камере за хлебом. Он нарочно говорит громко:

— Мы за порядок. Бесплатно хлеб дают, а они не берут... Черный, мол, глина, песок... Подумайте! Как будто дома они жрут белые булки!

Пока идет перебранка, лазские парни становятся вокруг корзины с хлебом и никого к ней не подпускают. Надзиратель сбежал. Карачалы в окружении своей шайки выходит из камеры, наступает на лазов. Бросает грубое ругательство. Тут все смешивается. Арестанты набрасываются друг на друга. Летят в головы кувшины, кружки. Чайные стаканы со звоном разбиваются о каменные стены. Пущенный с силой огромный глиняный кувшин вдребезги разносит кофейную «лавочку» Карачалы.

Заблестели кинжалы, ножи. Шайка Карачалы оказалась прижатой к «банному» углу. Шабан, Большевик, Чете подбегают к нам. Крики и шум во дворе усиливаются. Карачалы с мангалом (жаровней) в одной и с ножом в другой руке угремывается по крошечному дворику. Его преследует Бекташ с огромным тесаком в руках. Карачалы отколот от своей шайки. Крики летят со всех сторон:

— Держи!

— Убью, как собаку!

По стенам мечутся тени. Уже не разобрать, кто где. Вот Карачалы удирает от Бекташа. Он быстро взбегаёт по ступеням на террасу. Бекташ настигает его. Он весь в крови. На мгновение они останавливаются лицом к лицу, впериw друг в друга взгляд: пара черных и пара карих глаз. Неожиданно из двери соседней камеры вылетает мангал и выбивает нож из рук Карачалы. И в тот же миг Бекташ вонзает тесак в грудь своему противнику. Пронзительный крик перекрывает шум.

Карачалы, как метла, падает с террасы головой вниз. На дворе все перевернуто вверх дном. Калафатчи из окошка своей камеры кричит во все горло; от страха глаза его вылезли из орбит:

— Жандармы! На помощь!.. Убивают!

Типуки, остановившись посредине двора, оглядываются на крик. Натигбается, вытаскивает тесак из груди Карачалы и резким броском пускает его на голос в окошко камеры:

— На-а! Вот тебе помощь!

Тесак, сверкнув на солнце, как огненная стрела, вонзается в раму окошка.

Калафатчи издает страшный вопль:

— Спасите! Это — дело рук коммунистов!

Схватив зловонную парашу, мой товарищ выплескивает ее через решетку в физиономию провокатора.

По стене бегут жандармы. Офицер командует:

— Заряжай!

Защелкали затворы. Сцепившиеся во дворе арестанты отпускают друг друга. Дула винтовок смотрят вниз.

На стене — начальник местной жандармерии, прокурор, вали и «хозяин» вилайета помещик Матараджи.

Офицер приказывает:

— Всем бросить ножи! Буду стрелять!

Часть арестантов, пятась и пряча ножи за спиной, выстраивается у стены. Дула винтовок смотрят нам прямо в глаза. На дворе стонут раненные, валяются тела убитых. По камням течет кровь.

Арестантов загнали в камеры. Нас заперли. С этого дня нас никогда уже не пускали к другим арестантам, никогда не вывели на прогулку во двор: ни здесь, ни в других тюрьмах.

Трупы убрали, раненых бросили в камеру горцев. Бекташа и многих других заковали в кандалы. Все усилия прокуратуры найти «зачинщиков» оказались тщетными. На допросах все арестанты отвечали:

— Виноват сам Карачалы.

Карачалы был слепым орудием начальника тюрьмы и стал жертвой тактики своих хозяев. Набросившись с руганью на лазов, он полагал, что турки, как обычно, поддержат его и нападут на них, но все оказалось иначе.

— Это первый случай в здешней тюрьме, когда турки выступили вместе с лазами против тюремного распорядка, — признался сам начальник тюрьмы.

ЗДРАВСТВУЙ, СТАМБУЛ!

Из Анкары пришла телеграмма — снова переводят. Однажды утром на нас надевают наручники, сажают под охраной трех жандармов на пароход, — и вот мы в Стамбуле! В наручниках идем пешком с Галатской пристани к мечети Айя-София. Когда вступаем на мост через Золотой Рог, на мгновение нам кажется, что мы никогда не видели этого города, словно впервые спустились с гор или пришли из глухой деревеньки. Но я в нем знаю наизусть каждый переулок, каждый камень. Как свои пять пальцев, я знаю его рабочие районы, спуски и подъемы в кварталах бедняков, разбитые булыжные мостовые, темные, грязные, узенькие улочки и тупики. Я знаю районы, где мрет от голода беднота. Я знаю районы, где кутят и прожигают жизнь обожравшиеся богачи. Я люблю этот город. Я люблю его трудовой люд. Я люблю Стамбул — сердце политической жизни Турции, колыбель ее рабочего класса.

Нас бросают в предварилку — один из подвалов бывшего султанского министерства жандармерии. Ни воздух, ни дневной свет сюда не проникают. Тускло светит электрическая лампочка. Большая часть пола покрыта испражнениями. В одном углу лежит израненный крестьянин. В гноящихся ранах у него копошатся черви. Он умирает. Стоит тяжелый трупный запах.

В тот же день нас вызывают к старшему прокурору. Едва переступаем порог, как слышим вопрос:

— Члены коммунистической партии?

Вместо ответа мы сообщаем, что в жандармской предварилке умирает тяжело раненный крестьянин. Прокурор пропускает это мимо ушей. Продолжает свое. Перелистывает кипу лежащих перед ним бумаг, засыпает нас вопросами. Тогда мы заявляем, что отказываемся отвечать на вопросы до тех пор, пока не прекратят пытаться крестьянина Шерифа из деревни Чатаалджи, который умирает в двух шагах от прокуратуры.

Прокурор продолжает свои вопросы. Мы молчим. Видя, что дело не движется, он приказывает жандарму увести нас.

До вечера нас держат в здании суда. Стены этой предварилки пестрят рисунками, ругательствами, именами, написанными карандашом или просто выцарапанными каким-нибудь твердым предметом. В одном из углов выцарапаны серп и молот и пятиконечная звездочка. Мы находим фамилии многих знакомых нам коммунистов, даты суда над ними. Никелевым курушем мы тоже выцарапываем свои имена, внизу ставим число.

Вечером нас сажают в поезд и под конвоем отправляют в Анкару. Очевидно, в министерстве юстиции и управления безопасности решили измотать нас бесконечными пересылками из тюрьмы в тюрьму, из города в город. Но эта тактика приносит совсем нежелательные результаты для тех, кто ее придумал. Наш процесс затянулся на долгие месяцы, и хотя он ведется в тайне, в каждом городе, где мы побывали, народ так или иначе узнавал о деятельности компартии, о целях ее борьбы. Разговоры об этом велись повсюду.

Мы сумели отвести выдвинутые против нас прокуратурой и охранкой обвинения. Наконец процесс закончился. Судебный секретарь зачитал приговор: «Осуждаются за распространение среди народа, устно и письменно, пропаганды объявленной вне закона Коммунистической партии Турции...»

Мы отсидели свой срок, и вот новогодней ночью нас выпускают из анкарской тюрьмы. Начальник тюрьмы, лысый, как колено, с неизменной сигаретой в вывороченных губах, выдает нам «удостоверение» с огромными, как подковы, печатами. Читаем: «Осуждены за коммунистическую пропаганду. Освобождены по отбытии срока наказания». Паспорт у нас нет. С таким «документом» полиция не только из столицы, а даже из горной деревушки выгонит. Так и происходит. Через два дня полиция высылает нас из Анкары. Мы снова в Стамбуле...

РАССКАЗ ДЕРБЕДЕРА ХАСАНА

Как-то на пристани Фенер я нанимал лодку, чтобы переехать в Азапкапы. Взгляд упал на одного из лодочников. Лицо его кажется знакомым. Он тоже удивленно смотрит на меня. Потом подчаливает лодку к деревянным мосткам и говорит:

— Перевезем на ту сторону, земляк?

Узнаю его. Это Дербедер Хасан из «камеры голых». И хотя мне нужно к Азапкапы, мы едем в обратную сторону — к Халичоглу.

Хасан рассказывает:

— Смертный приговор Шабану меджлис утвердил. В ночь, когда его должны были повесить, он прикрутил кандалными цепями изнутри дверь камеры, и надзиратели, несмотря на все старания, не смогли открыть ее. Шабан заявил, что не выйдет до тех пор, пока к нему не придет с поклоном сам Толстопузый Араб. В тюрьму прибыли прокурор и начальник жандармерии. Они сказали Шабану, что валі уехал в Анкару. Шабан не сдавался. Тогда стали выламывать железную дверь. Стало светать. Увидев, что скоро все будет кончено, Шабан крикнул: «Стойте, сейчас открою!»

Едва дверь приоткрылась, Шабан выстрелил из парабеллума. Первым выстрелом он уложил начальника жандармерии, вторым — прокурора и тяжело ранил начальника тюрьмы. Потом выскочил во двор и прикончил сержанта жандармерии, но часовые на стенах открыли залповый огонь, и Шабан запертво упал на «вечный камень». Как Шабан пронес пистолет в камеру, где прятал его, это так и осталось для всех тайной. Отчаянный был храбрец. Огонь-человек!

Большевика и Типуки после смерти Шабана отправили пешком по этапу в Эрзрумскую крепость. Но по дороге, не доходя до Эрзрума, они бежали. Говорят, что Большевик жив, работает, но где и как, — никто толком не знает.

Лодочник вздыхает и сильнее налегает на весла.

Воды Золотого Рога постепенно темнеют. Со стороны Ункапаны вздымается целый лес мачт. Дымят фабрики, дым пароходных труб стелется по воде.

ЗОЛОТОЙ РОГ — КОЛЫБЕЛЬ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ТУРЦИИ

Район Золотого Рога — один из старейших рабочих центров Стамбула. Когда-то здесь на холмистых, извилистых берегах шумели кипарисовые рощи, красовались старинные виллы с закрытыми балконами, с резными деревянными решетками на окнах. От тех времен осталось здесь лишь кладбище Эюб.

Промышленные предприятия стали здесь строить еще с начала прошлого века. Старые рабочие говорят, что первая в Турции паровая машина была установлена не в Арсенале, а именно здесь, на верфях Золотого Рога. И первый уголь, найденный в Зонгулдаке турецким крестьянином Узун Мехмедом, горел в топках паровых машин на этих верфях.

Золотой Рог с его доками, фабриками, мастерскими, про-

тянувшимися от Ункапаны до Хаскея, — это мрачное и величественное зрелище. И на противоположной стороне залива, всегда мутного, непрерывно гудят моторы, скрежещут станки фабрик и мастерских от Емиша до Сияхтарага, расположенных впережку с горбатыми деревянными домишками на узких извилистых улочках с бесчисленными спусками и подъемами.

Сколько рабочих в Турции, еще точно не подсчитано. Кемалисты интересуются главным образом, как бы побольше из них выжать. Однако если к фабричным рабочим, рабочим горнодобывающей промышленности, морского и наземного транспорта прибавить рабочих, занятых в сельском хозяйстве, то можно с уверенностью сказать, что рабочий класс Турции насчитывает около полутора миллионов человек. На крохотном «пяточке», занимающем пространство от Галатского моста до Сютаюдже, число рабочих превышает 50 тысяч.

Видели ли вы когда-нибудь, как по улицам кварталов Айвансарая-Балата в предрассветных сумерках идут на заводы рабочие? Словно не на работу, а на каторгу бредут они. Обратили ли вы внимание, как вечером из Касымпаша, по дороге Зинданаркасы, по крутому подъему возвращаются домой рабочие? Они плетутся так, словно их избили палками в полицейском участке. Видели ли вы когда-нибудь, как на табачных фабриках и складах, в текстильных и резиновых цехах в Джибали и Дефтердаре харкают кровью чернобровые, голубоглазые, но уже ставшие желтыми, как солома, четырнадцатилетние девушки? Знаете ли вы, что семи-восемилетние дети работают здесь по 12 часов в день за 15 курушей, на которые можно купить лишь полкило хлеба? Видели ли вы глаза матерей-работниц, когда они суют в рот плачущим от голода детям пустую, как тряпка, грудь, чтобы крик детей не беспокоил соседей? Слышали ли вы, о чем говорят в этом районе безработные?

Ночной стражник с палкой в руках — здесь уже султан. Полицейский в рабочем районе — это кровавый янычар. Агенты охраны без стука заходят в дома наших рабочих кварталов. Каждый сборщик налогов здесь — ангел смерти Азраил.

В рабочих районах Стамбула не ищи клубов и читален, зато на каждом углу кабак или кофейня. Каждое такое заведение — притон. Я знаю, вы скажете, что «новый» рабочий квартал Казлычешме с его хибарками из жести, картона и фанеры почище наших старых трущоб! И если уж начать пере-

числать рабочие центры и кварталы Турции, то в Измире есть Халкапынар, в Адане — Чарчабук, в Анкаре — «жестяной город» Алтындаг, под боком у столицы — Крыккале. Есть Эргели, есть Зонгулдак, есть Козлу, есть Карабюк и есть Измит. Есть все это, есть!

Но дома, выстроенные для рабочих текстильных комбинатов в Кайсери и Назили, прекрасны. Они построены с помощью Советского государства, руками советских специалистов, руками друзей. Дома эти и фабрики — одно из многих проявлений добрососедской политики и уважения советского народа, великой страны Ленина и Сталина к народу Турции, к национальной независимости Турции, символ заботы о счастье ее трудящихся.

Я бывал во многих рабочих районах страны. На многих фабриках искал работы, на некоторых работал. Если вы спросите, какое мое основное занятие, я отвечу: давно уже я профессиональный революционер. Но когда речь заходит о нашем Золотом Роге, я не могу быть спокойным. Здесь я второй раз родился. Здесь я впервые переступил фабричный порог. Ворота верфей открыли мне путь в Коммунистическую партию Турции.

Впервые я познал здесь, что такое непримиримая классовая борьба. Впервые я узнал здесь страдания и надежды, любовь и ненависть тех, кто стоит у станков и машин, кто варит сталь, ткёт шелк, тех, кто создает жизнь и кто в капиталистическом мире лишен всех средств производства, тех, без чьих ловких пальцев, сильных рук и светлого разума безжизненны и мертвы эти средства производства.

«МОРСКОЙ КЛУБ»

На верфях у меня было несколько товарищей, таких же безусых и зеленых, как я сам. Прямо перед верфями было кладбище старых кораблей. Один из них, изъеденный ржавчиной торпедный катер «Ташоз», служит нам местом сборищ. Мы называли его «Морским клубом» и часто обедали там. Какие у нас могли быть обеды? Хлеб с маслинами или же купленные за пять курушей у лоточника-албанца кусочки холодной печенки. В «Морском клубе» мы вели горячие беседы. Перемывали косточки начальнику цеха, мастерам, ругали директора.

У меня был товарищ, который работал в морской типографии. Попадавшие ему в руки газеты он передавал мне. Мы

не пропускали ни одного сообщения о коммунистическом движении в стране, о Советском Союзе. Однако очень часто мы многого из прочитанного не понимали, и у нас подымались бесконечные споры.

Однажды мой товарищ из морской типографии, подойдя ко мне, незаметно вложил мне в руку какую-то книгу:

— Это тебе понравится, — сказал он. — «Мать» Горького.

Я тогда еще и не слышал о Горьком. Но, не желая ударить лицом в грязь перед товарищем, ответил:

— Спасибо! Я давно хотел прочитать эту книгу.

Я принес книгу в наш «клуб», и мы в обеденный перерыв начали читать ее вслух. Книга захватила нас. Гудок отрывал нас от нее на самом интересном месте, и мы, ругаясь, бежали в цех.

Однажды, придя на работу, мы увидели расклеенные на стене у главного входа листовки. На каждой красными чернилами было написано: «Товарищ, стой!» Рабочие останавливались и читали. Внизу каждой отпечатанной на гектографе прокламации крупными буквами стояло: «Коммунистическая партия Турции». И ниже: «Комитет Золотого Рога». На фабриках в Джибали, говорилось в листовке, началась забастовка. Организация компартии призывает рабочих Золотого Рога поддержать бастующих.

Сбежались начальники цехов, охрана, директор. Сорвали прокламации.

— За работу! — орал директор.

Потом в цехе заявилиш шпики и полицейские. Расследования и допросы не дали никаких результатов. Несколько дней на верфях только и говорили, что об этих листовках. Много толковали о них и мы в своем «клубе». Слова «коммунист», «комитет» заинтересовали нас страшно.

Мастер литейного цеха Хайри был моим соседом. Это был честный, славный человек. Говорил он мало и был старше меня лет на двадцать, а то и на все двадцать пять. Однажды, когда мы возвращались с работы, он подошел ко мне:

— Если идешь прямо домой, пошли вместе.

По дороге мы болтали о том, о сем. Под конец он сказал:

— Молодые вы, горячие. Смотрите не оступитесь. Добрый вы выбрали путь. Послушай, сынок, что я тебе скажу. Этот паршивец директор велел следить за вами. Расспрашивает о вас, исподтишка интересуется, что вы делаете в обеденные перерывы на «Ташозе». Смотрите же, будьте осторожней.

Я ничего не ответил мастеру Хайри. Но после этого раз-

говора мы уже каждый день так открыто в «клубе» не собирались. Тот же мастер Хайри познакомил меня однажды с фрезеровщиком из токарного цеха.

— Вот Ахмед-уста. Это как раз тот парень, который вам нужен, хотя и немного горяч...

ВОЗВРАЩАЯСЬ С РАБОТЫ

Однажды вечером, когда мы выходили из ворот верфи, Ахмед предложил мне идти домой через Окмейданы. Окмейданы — это малолюдный район с зелеными лужайками, рощицами, любимое место прогулок рабочего люда Стамбула. Мы шли и беседовали.

— Во время первой мировой войны, — говорил Ахмед-уста, — ты был еще мальчишкой. Я тогда уже был взрослым парнем, таким, как ты сейчас, и тоже работал на этих верфях. В Стамбуле хозяйничали немцы. Английские самолеты часто бомбили наш район. На земле — немцы, в небе — англичане, а на шее у нас — энверовская шайка. Народ умирал от голода. Миллионы наших солдат проливали свою кровь и гибли за иностранцев. Военные спекулянты зашибали деньги. Национальным позором закончилась кровавая авантюра Энвера. Предатели вместе с немецкими хозяевами удрали из страны, бросили народ на произвол судьбы. Тогда в Стамбул хлынули англичане, американцы, французы, итальянцы, греки.

Годы оккупации ты уже помнишь. Что это был за срам! Английские и американские военные корабли вошли в самый Золотой Рог, бросили якоря прямо против нашей верфи. Англичане и американцы все прибрали к рукам. Американцы требовали мандата над проливами, над Стамбулом, над всей Турцией. Большинство тех, кто сидит сейчас у власти в Анкаре, приняло тогда условия американского президента, решило отдать Турцию в кабалу. Что им до нашей национальной гордости! Зато выгодно делать «дела» с американцами.

Стемнело. Зажглись огни фешенебельных кварталов Бейоглу. На противоположном берегу, в Фатихе, взвился дымный столб.

— Смотри, — показал мне на него Ахмед-уста, — опять пожар. Говорят, что Стамбул несколько раз сгорал дотла. Во время оккупации, правда, пожар в Касымпаша был нам на руку. Англичане здорово растерялись, а рабочие наши воспользовались этим и разобрали ночью много станков и машин, погрузили их на лайбы и переправили в Анатолию. Тогда туда бе-

жало много рабочих с верфей. Все это организовали коммунисты...

С фрезеровщиком Ахмедом-уста у нас установились дружеские отношения. Я привязался к этому умному, серьезному человеку.

Каждый раз, когда мы с ним встречались, он рассказывал мне что-нибудь новое. Он же разъяснил мне потом программу и устав партии, научил основным принципам работы в подполье.

С тех пор прошло много лет, а я и по сей день с уважением и признательностью вспоминаю Ахмеда-уста. Такие люди, как он, были крепким цементом в рядах нашей партии и вписали немало ярких страниц в историю рабочего класса Турции. А сколько славных страниц в этой не написанной еще истории! Вспомните хотя бы первомайскую демонстрацию в Стамбуле в 1921 году. Колонны рабочих с красными знаменами в руках, впереди, во главе колонны — коммунисты. Этот марш продемонстрировал силу народа, его ненависть к английским и американским захватчикам.

Еще одна страница боевой истории рабочего класса Турции — стачка стамбульских лодочников и портовых рабочих в 1927 году. В рабочих районах были построены тогда баррикады. Тысячи рабочих Стамбула стойко сражались с войсками, которые правительство послало для подавления забастовки.

Как только после второй мировой войны реакционное правительство Турции пошло на сговор с американскими империалистами, самый тяжелый удар был снова нанесен по рабочему классу и его организациям. В 1946 году были закрыты и разгромлены рабоче-крестьянская партия, свободные профсоюзы, прогрессивные газеты и журналы. Тысячи рабочих были брошены в тюрьмы. Сотни руководителей свободных профсоюзов, рабоче-крестьянской партии были осуждены военными трибуналами, закованы в кандалы, брошены в застенки. Но и в эти дни свирепого фашистского террора рабочие снова вышли на улицы.

В 1950 году, когда правительство Мендереса — марионетка в руках Вашингтона — отправляло в Корею турецких солдат, профсоюз докеров и портовых рабочих Стамбула от имени народа Турции, от имени всего рабочего класса страны заявил протест против этого нового преступления кемалистов. За это профсоюз был закрыт, а его руководители преданы суду военного трибунала...

Но Золотой Рог живет. В доках, на верфях, фабриках и за-

водах рабочие продолжают борьбу. Во главе их стоит Коммунистическая партия Турции. Я горжусь тем, что вместе с нею иду дорогой борьбы, на которую вступил много лет назад в Золотом Роге...

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Как-то во время обеденного перерыва ко мне подошел Ахмед-уста:

— Вечером встретимся в кипарисовой роще, в Касымпаша.

Что там будет, я не спросил.

— Ладно.

Когда мы встретились вечером, подмышкой у Ахмеда-уста была буханка хлеба, в руках маленькая корзинка с овощами. Хлеб он купил для себя, но корзинку овощей вряд ли: ведь мастер Ахмед был холостяк.

Предположение оправдалось.

— Отнесешь овощи домой, — сказал Ахмед-уста, передавая мне корзинку. — Там прокламации. Завтра рано утром в Айвансарае раздашь их рабочим, когда они будут идти на работу. Только, смотри, сам не опоздай к началу работы.

Мы расстались, не сказав друг другу больше ни слова. Из сада в Тепебаши доносились звуки оркестра. Я шагал, не оглядываясь. Страх я не испытывал, но непонятное волнение охватило меня. Это было мое первое партийное поручение. Как будто я снова сдавал экзамен в школе. Но если провалишься на экзамене в школе, — останешься на второй год или получишь плохую отметку. Здесь не то. Этот экзамен надо было во что бы то ни стало выдержать с честью.

На следующий день вечерние газеты сообщили, что во многих рабочих районах, в том числе и в Айвансарае, были распространены коммунистические прокламации. Как я был счастлив! Я рапортовал Ахмеду-уста об успешном выполнении поручения. Он пожал мне руку, но еще раз предупредил, что-бы я никому не говорил ни слова:

— Этого требует партийная дисциплина!

С нетерпением ждал я каждого нового поручения.

— Когда же, наконец, вы возьмете меня в партию? — спросил я однажды Ахмеда-уста.

— Коммунистом может быть лишь тот, кто не только свободные вечера, но всю свою жизнь посвящает партии. Ты уверен в себе? Ко всему готов? Если да, — я дам тебе рекомендацию.

От радости я готов был броситься на шею к этому рабочему-коммунисту.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Однажды мастер Ахмед-уста назначил мне свидание после работы на пристани в Хаскейе. Это был день моего рождения. Мы встретились, сели в шлюпку, отчалили от берега. Сидевшего на веслах «лодочника» я не знал, а человек, который сидел за рулем, был рабочий с нашей верфи.

— Не будем зря терять времени,— вдруг сказал Ахмед-уста.— Товарищи, собрание ячейки считаю открытым. На повестке один вопрос: прием нового товарища в партию. Есть другие предложения?

— Нет.

Не было ни бумаги, ни карандаша, ни протоколов. Говорили вполголоса. «Лодочник» медленно греб. Я рассказывал свою биографию:

— Родителей не помню. Они умерли, когда я был совсем маленький. Растила меня тетка. Если б не она, я не кончил бы школу. Меня с детства приучили к труду. «Ремесло,— любила говорить тетка,— это золотой браслет на руке». Она не понимала, что в том мире, где мы живем, этот золотой браслет — кандалы на руках рабочего. С детства я любил машины. По вечерам я ходил на курсы механиков при Высшей школе инженеров. Потом надо было зарабатывать на хлеб. Не могла же моя тетя всю жизнь кормить здорового, как мачта, парня! Я пошел работать. Сколько лет я работаю на верфи, вы знаете.

Свежий ветерок дул мне в лицо, но я был весь мокрый от волнения.

— Что ты делал до сих пор для партии, можешь не рассказывать. Мне как секретарю ячейки это хорошо известно,— сказал Ахмед-уста.— Есть еще вопросы, предложения?

— На верфи много молодежи, среди них есть горячие ребята. Надо товарищу заняться ими,— заметил «лодочник».

Другой сказал, что ему все ясно.

— Если всем все ясно, то тогда я спрашиваю тебя, товарищ,— сказал мастер Ахмед-уста, глядя мне прямо в глаза,— клянешься ли ты, что никогда не сойдешь с боевого пути, указанного великим Лениным?

— Клянусь всю жизнь не сходить с боевого пути, указанного нашим великим Лениным. Честью рабочего клянусь!

— Я предлагаю принять товарища Устюнгеля в Коммунистическую партию Турции,— сказал человек у руля.

Три мозолистые руки поднялись разом. Потом все по очереди поздравили меня, пожали мне руку.

В тот день мне исполнилось 20 лет. Этот день — день моего второго рождения.

Я сел за весла. Вполголоса мы запели «Интернационал». Вода плескалась о борта. На душе у меня светло. Сердце летит, как на крыльях.

ВЫБИРАЙ, ЧТО ХОЧЕШЬ!..

Как радостно после долгих лет заключения снова окунуться в работу, в борьбу, видеть вокруг знакомые с детства места, быть среди людей! Стамбул недаром растравил мне сердце. Его рабочие кварталы с их борьбой, горем, надеждой и воодушевлением оживили в моей памяти давно прошедшие дни. Свобода...

Но свобода моя была недолгой.

В это время бастовали табачники и текстильщики Стамбула. В районах Ортакей, Ахыркапы, Балат у ворот фабрик и складов происходили стычки забастовщиков с полицией. Когда тысячи бастующих рабочих собрались перед полицейскими казармами в Джибали, полицейские бежали в нижнем белье. Вилайетский комитет компартии выпустил специальное воззвание к народу с призывом оказывать помощь бастующим. Люди откликнулись на этот призыв.

Приближалось Первое мая. Усилились массовые аресты. Полиция тщательно вылавливала коммунистов. В рабочих кварталах шли повальные обыски. С фабрик и заводов рабочих пачками увозили под конвоем жандармов в полицейские участки, в управление безопасности.

Как-то под вечер в узеньком переулке одного из рабочих кварталов Стамбула попал и я в облаву.

Полицейские сразу же доставили меня в управление безопасности. Лишь только я переступил порог, как сразу же остался в чем мать родила. С меня стащили одежду и унесли ее. Когда потом ее возвратили, поясной ремень, галстук, запонки отсутствовали. Все швы на костюме были вспороты, подкладка оторвана, стельки в башмаках содраны. В дни массовых облав управление безопасности похоже одновременно на воровской притон, на бойню и на сумасшедший дом.

Меня вталкивают в одну из комнат. Первое, что я слышу:

— Здесь закона нет, понятно?

Показывая на резиновые плетки, палки, набор щипцов, пинцетов и карабин, охранник изрекает:

— Смотри! Вот тебе конституция, вот тебе статьи законов, вот тебе свобода, вот тебе демократия. Выбери, что хочешь!..

На допросах и пытках коммунистов нередко присутствуют губернатор и прокурор. Жестокость и садизм этих человекоподобных отвратительны. Они наслаждаются страданиями истязуемых, смеются, ругаются, отпускают циничные шутки:

— Вот вам турецкая демократия!..

На этот раз нас судят по статье, требующей смертной казни. Но «ввиду того, что подсудимые не применяли насилия и оружия, — говорится в приговоре, — смертная казнь заменяется каторгой».

Не только в охранке и жандармерии, но и в судах закона нет. Как истуканы, сидят перед нами старые султанские судьи в черных мантиях — теперь они цепные псы капитала. Мы стоим с высоко поднятой головой. Позади — полицейские с пистолетами в руках. По два жандарма с обеих сторон. Читают приговор:

«Отклонив утверждения подсудимых о различного рода пытках, которым их якобы подвергали в полиции... несмотря на то, что большинство обвиняемых как в полиции, так и во время следствия и в судебных заседаниях отрицало предъявленные им обвинения, суд, заслушав распространявшиеся обвиняемыми прокламации и подпольные газеты, убежденный своей совестью в принадлежности обвиняемых к незаконной Коммунистической партии Турции, за попытку свержения существующего строя приговаривает...» Следуют сроки ссылки и каторги.

Нас осуждают на каторгу за то, что мы проводили собрания рабочих, за то, что мы писали о страданиях и требованиях народа, за то, что мы создали организацию, которая защищает интересы не только рабочего класса, но и всей нации.

В процессуальном кодексе есть статья, по которой подсудимый после вынесения приговора может его обжаловать в Верховный суд в течение недели. Раньше этого срока Верховный суд не может утверждать приговора. Так это выглядит на бумаге...

На третий день прокуратура сообщила нам, что приговор утвержден.

На четвертый день нас подняли на рассвете, выстроили в коридоре тюрьмы, сквали по двое наручниками и под конвоем жандармов отправили по этапу за 1 300 километров в далекую средневековую крепость.

Тогда председателем Верховного суда был фашист Халил Озоюрк. Тот самый, который в 1950 году получил портфель

министра юстиции. Выступая в меджлисе, он громогласно заявляет: «В Турции суды и судьи независимы!»

Да, независимы — от справедливости, от воли народа...

ЗА НИМИ СТОИТ АМЕРИКА...

Реакционные правители Турции в течение долгих лет держат многие районы страны на осадном положении. Турция разделена ими на три военные зоны с тремя специальными военными трибуналами. Эти трибуналы судят коммунистов, сторонников мира, всех честных патриотов. Военный трибунал Анкарского гарнизона не так давно, не задумываясь, присудил членов турецкого Общества сторонников мира к 15 годам тюрьмы за то, что они от имени народа протестовали против отправки турецких солдат в Корею. Этих беззаветных героев заковали в кандалы за то, что они писали в распространявшихся ими листовках: «Путь к миру — это путь борьбы за национальную независимость нашего народа».

Полиция громит типографии прогрессивных журналов. Закрыта газета «Барыш» («Мир»). Фашистские подонки рвут в клочки каждую бумажку, на которой нарисован белый голубь.

В глазах народа неугасимая печаль, горестный гнев. Невесты льют слезы, провожая своего Мемиша, своего Мехмеда умирать на другой конец света.

Кемалисты то и дело кричат фальшивыми голосами: «Мир в стране!», — а на деле усиливают беспощадный террор против всего честного и передового.

В Стамбуле сыщики, полицейские долго охотились за двумя девушками. Одна из них — работница, другая — студентка. Они распространяли воззвания «Общества сторонников мира». Среда бела дня на людной улице Махмуд-паша одну из них схватили полицейские и бросили в американский «джип».

— Моего брата погнали на смерть в Корею! — громко, из последних сил крикнула студентка Лейла. — Матери и отцы! Не отдавайте ваших сыновей американским торговцам смертью!

Улица загудела. «Джип» на бешеной скорости вырвался из толпы. Вслед ему народ посылал проклятья по адресу американизированной полиции.

На следующий день, как сообщили газеты, на стенах бумажной фабрики в Измире рабочие написали огромными буквами: «Да здравствует мир! Да здравствует Сталин!»

Лицемерия и лжи всегда были полны слова и дела тех, кто толкает нашу родину в пропасть. Но теперь они не хотят утруждать себя даже ложью. Газета «Ени Сабах» цинично пишет: «Кого и зачем стесняться? За нами стоит Америка... В течение четверти века у нас существует тоталитарная диктатура, рядящаяся в демократические одежды. Этот режим ни на волос не отличается от фашистской диктатуры Франко в Испании». А «Джумхуриет», дополняя картину, требует: «Мы должны отбросить демократические одежды, это несчастье господне». Кемалистам уже стал обременителен даже псевдодемократический халат.

ЗАПИСКИ БЕЛЬГЕТОПЛАРА

В годы второй мировой войны кемалисты называли Турцию «страной нового порядка». Тогда они строили свои авантюристические расчеты на «толстых Бертах» Круппа. Теперь они называют Турцию «маленькой Америкой» и уповают на атомную бомбу.

Народ не забывает ничего. Все берет на заметку. Если он не может чего-либо сказать открыто, он прибегает к иносказанию; все получает свое имя, свое прозвище. Это стало традицией, к этому народ привык за долгие сотни лет насилия и гнета. Папаша Бельгетоплар («Собираатель фактов») — один из таких народных образов. Он символ долгой памяти народа, его исторической мудрости.

Изо дня в день ведет Бельгетоплар свои записи. Вот некоторые из них:

«18 июня 1941 года. Анкара заключила с Гитлером пакт дружбы. Лондон этим вовсе не обеспокоен...»

«22 июня 1941 года нацистская Германия под покровом почной темноты предательски напала на Советский Союз... Всего через три дня после заключения пакта Берлин — Анкара!.. «Дранг нах Остен» начался... План закабаления Турции — тоже часть «Дранг нах Остен»...»

«5 сентября 1942 года. Сараджоглу в Эрзруме. Выехал в инспекционную поездку по русской границе...»

«19 сентября 1942 года турецкая армия концентрируется на восточной границе. Приказ «Боевая готовность № 1» в конвертах с сургучными печатями спущен всем командирам рот...»

«23 сентября 1942 года. «Германская армия должна в Сталинграде уничтожить Советскую Армию до последнего солдата», — пишет официоз «Улус». Говорят, если бы была услы-

шана собачья молитва, вместо дождя с неба падали бы кости... Но как кемалисты ненавидят Советский Союз!»

«27 ноября 1942 года. «Необходимо лишить Россию богатых промышленных и сельскохозяйственных районов от Каспийского до Черного моря. Нужно уничтожить русский флот в Черном море», — требует «Улус». Вот уж — что у кого болит, тот о том и говорит! Кемалистские главарь открыто заявляют, что надеются получить жирный мосол с разбойничьего стола нацистов...»

«1942 год. У стен Сталинграда идут невиданные бои. Даже оголтелый фашист Атай вынужден признать, что «советский строй оказался намного крепче немецких танков и пушек». Поздно спохватились! Героизм советских воинов показал, на что способен свobodный человек социализма. История еще не знала такого полководца, как Сталин... На берегах Волги решается судьба человечества...»

Еще несколько строк из записок папаша Бельгетоплара:

«1942 год... Газеты сообщают: «Коммунисты распространяют воззвания. Между минаретами мечети Сулеймание они повесили тридцатиметровый красный транспарант с огромным лозунгом: «Долой фашистское правительство Анкары!»

«1943 год. Большие группы коммунистов осуждены военными трибуналами... В Карсе расстреляны два унтер-офицера и пять офицеров-коммунистов. Одного из них звали Омар Йылмаз...»

«1944 год... 55 молодых антифашистов преданы суду военного трибунала... В охране их подвергали страшным пыткам...»

«СОРОК РАЗБОЙНИКОВ»

Так народ называет главарей турецкой буржуазии — заправил фашистских партий и связанных с Вашингтоном реакционных турецких правителей.

«Сорок разбойников» не желают выпускать из лап свои доходные вотчины. Но будущее внушает им большие опасения. Такой туз, как Иненю, на всякий случай купил себе имение в Калифорнии. Многие из них предпочитают хранить свое золото в сейфах швейцарских, лондонских и нью-йоркских банков. Бия себя кулаками в грудь, они кричат: «Мы националисты!» Но доллар для них выше лиры. «Мы турки!» — уверяют «сорок разбойников». Но для вящей предосторожности вместо того, чтобы строить заводы в Турции, они держат

огромный капитал, выжатый из народа, — двести миллионов долларов! — замороженным в нью-йоркских банках.

Продажные писаки и политики называют Сараджоглу и Баяра, Урана и Мендереса, Коралтана Инана, Сака и Караосманоглу, разбогатевших на коррупциях, крупном казнокрадстве и ограблении угнетенных национальностей, «избранными», «высокопоставленными деятелями».

Один из этих лакействующих перед Уолл-стритом разбойников заявил в Сивасе: «Бумага и радио, типографии и кино-театры, газеты и полиция, суды и казармы, казна, тюрьмы и банки, меджлис и армия — все это, вся государственная машина в наших руках... За нами стоит Америка... Пусть наши внутренние враги знают это».

Действительно, в руках у эксплуататорских классов мощный аппарат. Но народ против них. Вот почему они называют турецкий народ «внутренним врагом».

В Вашингтоне дергают за нитку — и в Анкаре фашистские депутаты высказывают на трибуну меджлиса и кричат:

— Мы заработали право вступления в Северо-атлантический союз пролитой в Корее кровью меметчиков! Надо поставить на карту все, что есть у турецкой нации! У того, кто откажется от сладкого пирога, пусть выпадут зубы!

Анкарские торговцы пушечным мясом в качестве пая в организованный американскими фабрикантами смерти агрессивный северо-атлантический трест обязались внести миллионы жизней турецких солдат, все достоинство народа и всю территорию Турции. Это у кемалистов называется «целостностью нации», «целостностью территории». Они бьют в барабаны на газетных полосах, трубят в фанфары на каждом перекрестке: «Война... Война... Тотальная война».

ВЧЕРА и СЕГОДНЯ

Прошли годы. Мы снова скитаемся по тюрьмам и этапам. На этот раз под конвоем жандармов в наручниках ведут нас с востока на запад...

Мы идем по южным волостям Чукурова. Хлопковые поля. Сюда стекаются тысячи крестьян, у которых в родной деревне не осталось ни кола, ни двора. Нищета и голод бредут по дорогам.

Адана. На площади у моста рынок батраков. Это страшнее, чем старые рынки рабов. Пятьдесят тысяч безработных на этом рынке.

Идет дождь. Нас не принимают ни в местной тюрьме, ни в жандармском управлении. «Ваши бумаги выправлены в Синоп».

Мы стоим на площади у здания вилайетского управления. Вымокли до костей. У меня начался приступ малярии, всего трясет. Чтобы не свалиться на мостовую, опираюсь на плечо товарища. Конвоирующие нас жандармы растерялись: не знают, что делать.

Мы кричим во весь голос: «Долой фашизм!» Я дрожу от холода, горю. Поем песни. Прохожие останавливаются. Несмотря на дождь, собирается толпа. Наконец являются прокурор и начальник жандармерии. Полицейские разгоняют народ.

Нас вталкивают в какой-то подвал в здании вилайетского управления. Здесь мы просидели два дня. Кажется, что нас бросили в огромную мусорную корзину... Кругом пожелтевшие, истлевшие старые газеты, бумаги, книги.

Забыв обо всем, мы копаемся в старом бумажном хламе. Мой товарищ ищет что-нибудь «новое», «свежее», хотя бы пяти-восьмилетней давности. Страстное желание читать овладевает нами! Но здесь самые «свежие» газеты — начала 30-х годов.

1932 год. На первой странице фотографии американского генерала. Макартур! Он прибыл, чтобы поближе познакомиться с турецкой армией. «Я считал бы честью для себя командовать турецкой дивизией... Стыснув зубы, Турция может выставить миллионную армию», — заявил он корреспондентам.

С одной дивизии начали представители американских милитаристов торг с Анкарой. Но уже тогда Пентагон зарился на миллионы меметчиков.

Другая газета. 1933 год. «Министр экономики Джелаль-бей (Баяр) пригласил специалистов из Америки... Американцы обследуют богатые месторождения турецкой нефти и полезных ископаемых... Они уделяют особое внимание залежам меди и хрома... Они обследуют также дела турецких банков».

Американские короли доллара и нефти давно уже засылали в Турцию своих разведчиков, понемногу укрепляли свои позиции с помощью кемалистов — сторонников американского мандата. Анкара исподволь торговалась с ними. А годы шли... И вот в один прекрасный день американские генералы, офицеры, так называемые деловые люди, банкиры, дипломаты, «специалисты», сенаторы, предъявляя «доктрину Трумэна» вместо паспорта, валом повалили в Турцию.

Возродился прежний режим капитуляций. Американцы

создали в Анкаре «государство в государстве». Наместники Уолл-стрита стали подлинными хозяевами страны. Чанкая, резиденция премьер-министра и председателя меджлиса, генеральный штаб и все министерства специальными телефонными линиями, специальными курьерами связаны прямо с американским посольством, с американской военной миссией, с «Управлением по осуществлению «плана Маршалла». Встреча специальных курьеров, подымаемая трубки прямых телефонов, «сорок разбойников» сгибают спины в три погибели.

Стоило Макаргуру послать телеграмму, как ему из Турции в Корею присылают батальоны турецких солдат. Он расходует меметчиков, как пушечное мясо, а на родину возвращает их личные номера и похоронные свидетельства.

НАРОД СРАЖАЕТСЯ

Удушливая жара. В порту Искендеруна на пристанях, на молу столпотворение. Меметчиков, как овец, отправляют на корейскую бойню. Парней из Анатолии выгружают из эшелонов, загоняют в трюмы американских пароходов. Эти пловучие гробы уходят в море, увозя обреченных на смерть людей. Беспрерывно прибывают корабли с американским оружием, бросают якорь в порту. Они везут в Турцию американскую смерть.

На вагонах, на станционных зданиях, на дверях домов, на подъемных кранах в порту коммунисты расклеили воззвания: «Турецкие солдаты, на вас надели американскую рубашку смертников! Не соглашайтесь умирать и убивать за трумэнов и баяров! Дезертируйте! Турецкие рабочие, не разгружайте и не грузите американское оружие!»

Бастуют докеры Искендеруна: они отказались разгружать пароходы с американским оружием. Народ поддерживает бастующих. В городе объявлено осадное положение. Против забастовщиков, против народа высланы войска. Происходят столкновения, льется кровь.

Восстали радисты Афьенского гарнизона. «Мы не поедem в Корею!» — заявили они. Снова столкновения, снова льется кровь. Но на этот раз становится ясно, что народ тоже учится использовать полученное американское оружие против своих врагов. Взявшиеся за оружие радисты не забыли, как их деды и отцы громили иностранных оккупантов на скалистых холмах Афьена.

То и дело американские военные корабли проходят через

Дарданеллы, коптят небо в Мраморном море, бросают якоря на рейде в Стамбуле против «Девичьей башни». Наглые долгоязыые американские моряки, сдвинув на рыжие брови белые маленькие, как лимонная корка, бескозырки, высыпают на улицы. Они дебоширят, пристают к прохожим. Кажется, что Стамбул снова переживает дни иностранной оккупации.

Стамбульский вайй является одновременно председателем городского муниципалитета. Председатель муниципалитета ростом с вершок, но дел у него выше головы. За счет муниципалитета он устраивает в честь американцев банкеты, предоставляет в пользование «уважаемых гостей» дома терпимости. Защищая собственность землевладельцев и охраняя глаза американских господ от неприятных картин, американизированный вайй под видом заботы о красоте Стамбула разрушает в Казлычешме ночлежки и хибарки бедноты. Отряды жандармерии и полиции по приказу вайй окружили жестяный и фанерный городок, в котором ютятся 50 тысяч бедняков. Беда подошла к самой двери. Остался один выход — сражаться. И Казлычешме сражается!

Перед «Дворцом культуры и спорта» сгрудились сотни автомобилей. Пять тысяч шоферов прибыли на конгресс своего профсоюза. На стамбульских улицах нет ни одного такси. Возмущаются американские туристы, высадившиеся на пристани Галата. Вайй и начальник охраны растерялись.

В зале конгресса негде иголке упасть. На трибуне агент американских автомобильных королей депутат Юрютен. Справа и слева от него по два охранника в штатском. Этот патентованный фашист пытается организовать провокацию — грубо клеветает на коммунистов. Но выходит вовсе не так, как он ждал. Пять тысяч шоферов освистали американского шута:

— Проваливай! Лакей Форда! Холуй «Сокони Вакуум»!

Видя, что дело принимает серьезный оборот, фашисты вызывают подкрепление. В зале появляется вайй:

— Наши американские гости ожидают на пристани...

Чей-то голос перекрывает шум:

— Посади их себе на спину, на спину!

Гомерический хохот потрясает стены конгресса. В зал врываются полицейские. Завязывается схватка. Фашисты вместе с вайй и американизированным депутатом удирают. «Дворец спорта» окружен моторизованной полицией. Столкновение продолжается несколько часов. Жандармы бросают бомбы со слезоточивым газом. Эти бомбы только что прибыли из Америки.

УЛИЦА НЕЗАВИСИМОСТИ

«Поганый Измир» — так называет народ этот город компрадорской буржуазии, левантийцев, космополитов, город, где хозяйничают иностранные компании. Этот Измир — с давних пор гнездо империалистической агентуры, цитадель фашистских партий. Это продажный, омерзительный, предательский Измир.

Но есть и другой Измир. Народ называет его «прекрасным». Этот Измир — крупный рабочий центр. Это Измир трудящихся, Измир боевых традиций, ведущий непрерывную борьбу с «Поганым Измиром». Это Измир подпольных типографий коммунистической партии, Измир тех, кто во время стачки железнодорожников бросился на рельсы, чтобы остановить эшелоны карателей. Этот Измир громит типографии фашистских газет и рукоплещет коммунистам. Этот Измир под штыками жандармов, направленными в грудь, сотнями голосов повторял на бульваре Ворошилова лозунг прогрессивных сил страны: «Ничто не заставит нас отказаться от борьбы за национальную независимость». Это Измир, где в 1950 году две тысячи рабочих-текстильщиков с булыжниками и камнями в руках сражались с отрядами жандармерии. Это Измир, у которого мутится в глазах от голода, болезней, безработицы. Кемалисты-фашисты боятся этого Измира.

Однажды на летучем митинге в Халкапынаре на нас неожиданно напала полиция. Во время схватки товарищи ради моего спасения мгновенно натянули на меня замасленную рабочую робу. Вечерние сумерки также помогли нам. Спасаясь от длительного преследования, мы наконец укрылись в доме одного рабочего в Тилькиликке. Мне открыла дверь молодая девушка — табачница лет двадцати.

— Товарищ, в этой крепости вам не страшен никакой враг, — сказала она мне вместо приветствия.

Этот Измир изумительно прекрасный, беззаветно мужественный Измир!

9 сентября. 27-я годовщина взятия Измира. 27 лет тому назад в Измире оккупанты были сброшены в море. В порту огромный авианосец и целое стадо военных кораблей различных размеров — американцы. В 1922 году, 9 сентября, их двойники бежали отсюда к Урла. А сегодня...

Солнце, как плошка крови. «Прекрасный Измир» исподлобья смотрит на приставшие к причалам американские корабли, на «Поганый Измир». На площади перед муниципалитетом

народ. На почетной трибуне американский адмирал вместе с вали и турецкими генералами и офицерами в американской форме. Во весь опор скачут кавалеристы. На их лицах нет воодушевления анатолийских солдат, которые проходили 27 лет назад по этой площади, и одежда у них не та. Все выдает в них наемников американских королей смерти.

Пока скачут конники, на балконе здания муниципалитета разыгрывается комедия. Закутанная в черный, траурный тюль девушка. Офицер в американской форме мечом распарывает на ней черное покрывало. Турецкий генерал объясняет американскому адмиралу:

— Сцена символизирует освобождение Измира.

Кемалисты фальсифицируют всем известные исторические факты, издеваются над боевыми традициями народа, над его национальными чувствами. Генерал, который стоит сейчас по стойке «смирно» перед американским адмиралом и которого кемалисты объявили спасителем Измира, 9 сентября 1922 года скакал во весь опор вдоль Айдынской железной дороги не для того, чтобы спасти Измир, а для того, чтобы спасти жизнь и имущество генеральных директоров английских, французских и американских компаний! Таков был специальный приказ главнокомандующего. Ведь город был освобожден еще до прибытия анатолийских войск восставшим «Прекрасным Измиром», взявшимися за оружие рабочими.

Воды залива темнеют. Зажглись электрические фонари вдоль набережной Кордонбою. Они кажутся нацепленным на шею города ожерельем из фальшивых бриллиантов. В казино «Фуар» банкет. «Поганый Измир» веселится. Два американских морских офицера обнимают девушку, которая утром была завернута в черный тюль и символизировала собой Измир. Эта потаскуха — воспитанница американского женского колледжа в Измире.

На улицах снова орут, бесчинствуют американские моряки. Избивают прохожих, пристают к женщинам. Посреди людной улицы Карантина пьяные матросы набросились на женщину. Она взывает о помощи. Прохожие останавливаются, возмущаются. Полиция не обращает внимания:

— Мы их не можем трогать.

Группа докеров и шоферов такси вступает за женщину. Раздаются выстрелы. Видя, что дело плохо, американцы бегут к берегу. Один из них лежит на улице в луже крови.

Весть о том, что рабочими убит один из американских часильников, с быстротой молнии разнеслась по городу. В од-

ном из кафе района Басмане, где живут рабочие и ремесленники, шло горячее обсуждение последних событий:

— Кордонбою нужно назвать именем турка, который первым стрелял здесь в 1919 году по высаживавшимся интервентам!

— Нет! Эту улицу нужно назвать именем 27-летнего рабочего, который сегодня уложил здесь американца.

— Одним словом, — улицей Независимости, — заключил старый рабочий-железнодорожник.

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ

Фашистские трибуналы выносят приговоры коммунистам по одной стандартной формуле: «За попытку низвержения существующего государственного и политического строя, разгона меджлиса и свержения правительства...»

Военный трибунал № 2 в Анкаре. Крохотный зал заседаний. Закрытые двери. По стенам, словно проглотив шомпола, стоят часовые в американской форме, с американскими винтовками в руках.

Судейская коллегия. Широкий стол. Жирный турецкий генерал в американском мундире. Слева и справа от него не менее американизированные члены коллегии. Рядом прокурор...

Посреди зала место для подсудимых, обнесенное с четырех сторон высокой, по грудь, железной решеткой. В этой железной клетке плечом к плечу стоит группа коммунистов. Один из них, невысокий, с седой головой, говорит внятно и громко:

— Мы отклоняем предъявленное нам прокурором обвинение. Мы готовы отчитаться перед народом. Вот почему мы требуем, чтобы ваши заседания проводились при открытых дверях. Народ должен знать правду. Пусть народ знает, за что нас судят.

Мы, коммунисты, открыто заявляем, что «существующий политический строй» никогда не обеспечивал, не обеспечивает и не может обеспечить угнетенному большинству трудового народа никаких прав и никаких свобод.

Под натиском народных масс был свергнут султанский режим, был образован меджлис — Великое национальное собрание Турции. За это время не было случая, чтобы его порог переступил хоть один представитель рабочих и крестьян-бедняков.

Компартия с самого начала боролась и борется сейчас за

то, чтобы была гарантирована свобода выборов для народа. С самого начала компартия требовала и требует установления справедливого государственного строя. Нынешний социальный строй несет народным массам лишь голод, нищету и слезы. Правительства, сменяющиеся одно за другим, и не помышляют отменять антидемократические законы. Эти законы не признают за народом права свободно избирать своих депутатов, не допускают представителей народа в меджлис, не дают возможности создать такое правительство, которое будет защищать интересы народа. Те, кто правит страной, силой отстранив массы от участия в политической жизни, с легкостью продают интересы нации империалистам. А раз все это так, нужно все начать сначала, но с другого конца. И в первую очередь сломать этот антинародный режим. Вот к каким справедливым выводам приходят все более широкие слои турецкого народа, убежденные собственным горьким опытом.

Нынешние правители Турции кричат о «единстве нации». Никогда не было и не будет единства между народом и теми, кто продал за доллары национальные интересы страны. Но созревают условия для объединения различных слоев населения в едином национальном фронте против американского рабства, против предательства реакции...

Председатель трибунала генерал Алёч делает попытку прервать седовласого оратора, но тот продолжает свое гневное обличение:

— Вы предъявляете нам лживые обвинения, чтобы оправдать эксплуататорские классы, их фашистское правительство, оправдать нищету и бесправие народа. Вы устраиваете закрытые процессы, вы хотите расправиться с коммунистами потому, что они от имени всего турецкого народа протестуют против антинациональной политики проамериканских партий...

Генерал выходит из себя, стучит кулаком по столу, кричит так, что, кажется, сейчас лопнет его толстый живот:

— Молча-а-ать! Убрать их! Заковать в кандалы: пусть знают, перед кем они говорят... Я не позволю издеваться над честью нашего мундира...

Из группы коммунистов раздается спокойный и насмешливый голос:

— Ваш мундир — американский, а сами вы — фашисты.

Солдаты и офицеры вмиг окружают подсудимых и, подталкивая прикладами, выводят их из зала заседаний.

Тупоголовый американизированный генерал никогда и не

слышал, вероятно, правдивых слов народного турецкого поэта: «Разве можно замок повесить на текущие воды реки!» Продолжение речи седого коммуниста, прерванной даже за закрытыми дверями военного трибунала в Анкаре, народ читал в нелегальных газетах компартии:

«...Коммунистическая партия Турции положила в основу своей боевой программы чаяния народных масс. Мы боремся за действительно демократическую республику. За равноправие национальных меньшинств. За коренное решение земельного вопроса. Нужно окончательно уничтожить остатки феодализма, бесплатно раздать землю миллионам безземельных крестьян, обеспечить их сельскохозяйственными орудиями, семенами. Нужно ликвидировать нынешнюю налоговую систему, которая является не чем иным, как узаконенным грабежом. В то время, как рабочие отдают на налоги 30 процентов своего нищенского заработка, миллионеры платят меньше одного процента своих барышей. Бедный крестьянин платит налогов в семь раз больше, чем крупный помещик. Феодалы, деревей, которые владеют десятками деревень, вообще не платят налогов.

Выведем Турцию из лап империалистических хищников! Уничтожим контроль американско-английских монополий над экономикой, политикой, армией и культурой страны!

Чтобы спасти народ от угрозы тотального уничтожения, есть только один путь — расторгнуть «американско-турецкие соглашения»! Порвать эти рабские цепи. Турецкому народу не нужны агрессивные пакты, он не хочет проливать свою кровь за иностранцев.

Турецкий народ требует установления добрососедских и дружеских отношений со странами народной демократии и нашим великим соседом — крепостью мира — Советским Союзом.

Богатства земель, вод и недр страны необходимо использовать на благо народа. Нужно создать мощную, постоянно крепнущую, независимую национальную экономику — основу национальной независимости.

Провести коренные социальные преобразования! Навсегда покончить с безработицей, голодом, нищетой — неизбежными спутниками нынешнего режима! Повысить благосостояние народа, организовать для него здравоохранение! Широко распахнуть для детей рабочих и крестьян двери школ, университетов.

Необходимо обеспечить участие широких народных масс в коренных преобразованиях нашей национальной жизни!

Дать возможность рабочему классу активно участвовать в создании нового государственного аппарата. Очистить государственную машину от реакционеров, мракобесов, агентов империализма. Разогнать фашистские пантюркистские организации. Очистить армию от врагов народа, от реакционных генералов и офицеров — выкормышей германского, английского и американского милитаризма.

Трудящиеся должны получить возможность свободно создавать свои организации. Турецкий народ должен занять свое место в рядах всемирного фронта мира и демократии!»

Эти горячие слова справедливости и правды тайком читали тысячи людей и одобряли их.

...Был канун Первого мая 1950 года. На Черноморском побережье, особенно в районах Бафры и Чаршанбы, свирепствовал голод. Американцы и их анкарские слуги разорили турецких крестьян-табаководов. Голодающие крестьяне организованной колонной направились в Самсун.

В яркий, солнечный день рабочие, выброшенные за ворота табачных и текстильных фабрик Самсуна, вышли на улицу, чтобы защитить свои права, чтобы заявить о своих требованиях. Безработные вместе с голодающими крестьянами заполнили площадь перед зданием вилайетского управления.

— Требуем хлеба! Требуем работы!

Площадь была похожа на вулкан, гудела, как лесной пожар.

Этот поход голодных, эта демонстрация безработных были организованы коммунистической партией.

— Те, кто обрек вас на голод и безработицу, — говорил один из ораторов, — кутят сейчас вместе с американцами в Анкаре. Главари фашистских партий нет дела до страданий народа, до интересов страны. Турецкие богачи вместе с американцами грабят народ...

— Заткните ему рот! Это коммунист! — раздался чей-то одинокий возглас.

— Не сможете!.. Он будет говорить!.. Говори, земляк!.. Он правду говорит! — раздалось в ответ десятки голосов.

Народ шумел. Толпа на площади все росла. В центре площади демонстранты встали кольцом, как будто построили крепость из тел. Нового оратора подняли на плечи. Этого высокого белобрысого рабочего-табачника знали все.

— Да, это говорил коммунист. Только коммунисты понимают страдания и горе народа... Да, народ с вами, товарищи!..

Коммунистическая партия Турции стоит во главе национально-освободительного движения, охватывающего все более

широкие слои народа. Но это национально-освободительное движение развивается в обстановке, сильно отличающейся от обстановки 1919—1922 годов. И хотя наши враги — это старые враги, но соотношение сил теперь иное. Следуя революционным боевым традициям нашего народа, мы не зовем, однако, народные массы бороться старым оружием, старыми методами. Мы следовали и будем следовать всепобеждающей стратегии и тактике ленинизма. Организация рождается в борьбе и живет борьбой. Для того, чтобы добиться победы в борьбе за мир и национальную независимость, необходимо объединить, организовать народные массы.

Наша партия до конца решительно и последовательно отстаивала, отстаивает и будет отстаивать интересы всей нации, все теснее сплетающиеся с интересами пролетариата.

Коммунистическая партия Турции переживала тяжелые годы, и много тяжелых дней у нее еще впереди. Но компартия стала знаменосцем в борьбе народа против американского рабства и предательства реакции. Турецкий рабочий класс гордится своей коммунистической партией. Ряды коммунистической партии непрерывно пополняются новыми борцами.

«Сидеть в тюрьме — это не искусство, искусство — в том, чтобы всегда и всюду бороться», — говорят у нас в партии.

Многие товарищи по несколько раз бежали из тюрем, из ссылок. Скрывались, уходили в подполье. В тяжелейших условиях они с честью выполняют порученное им партией дело, непоколебимо и мужественно они выполняют свой долг коммуниста и человека.

Я — рядовой боец Коммунистической партии Турции. Мне тоже удалось бежать, вырваться из лап тюремщиков, полиции, жандармов. Я снова в гуще народа, в море народном! Я снова на поле боя.

Стамбул, Кулаксыз.

Редактор — **А. СУРКОВ.**

А 01359. Подписано к печати 26/III 1952 г. Тираж 150 000. Заказ 453.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ
ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

*приобретайте
облигации*

Государственного 3% внутреннего

**ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА !**

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДЯТСЯ
шесть основных тиражей выигрышей—
30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля,
30 сентября и 30 ноября; один
дополнительный тираж выигрышей—
30 сентября

ВЫИГРЫШИ от 400 до 100.000 руб.

ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО
ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ